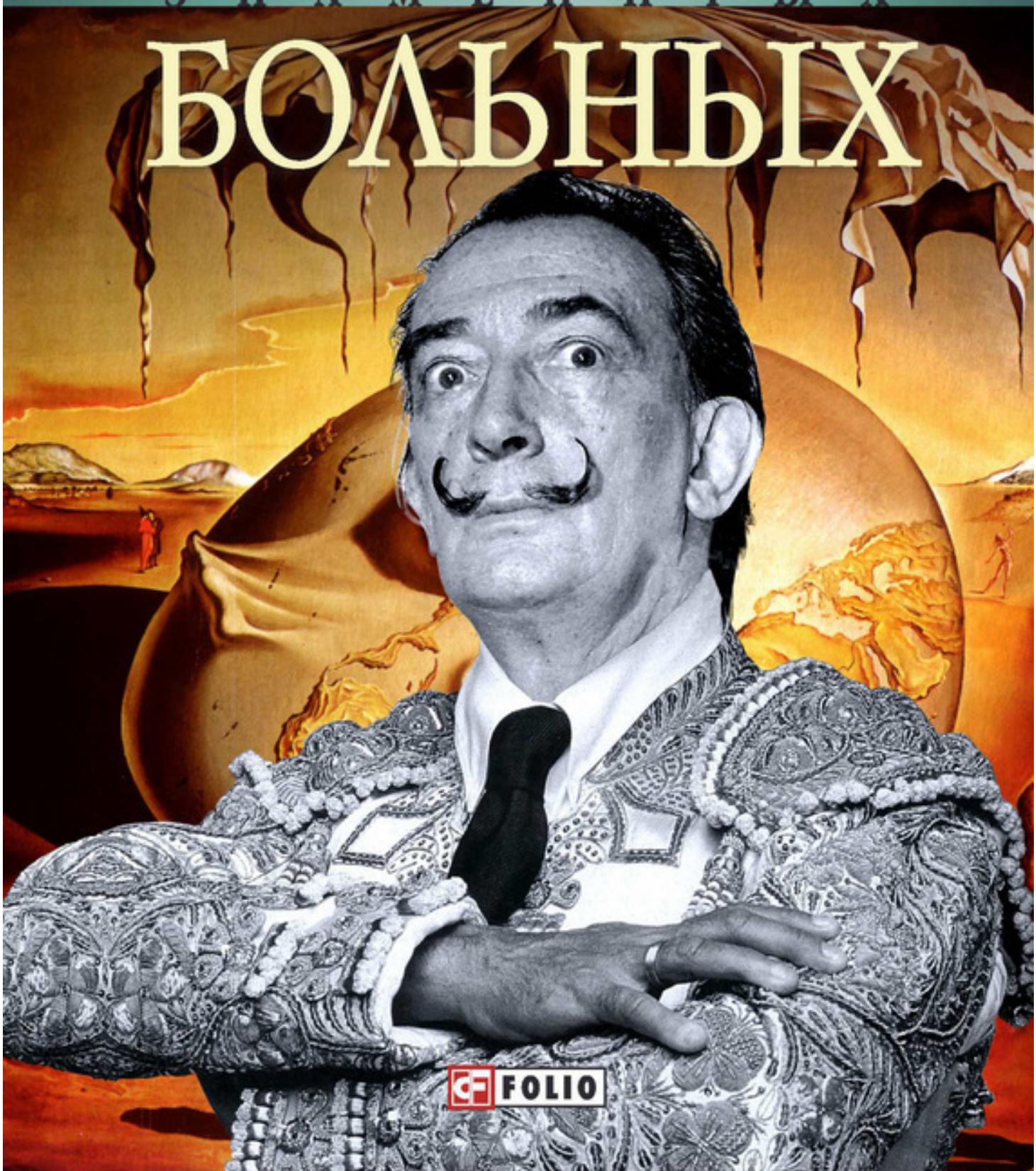
50 знаменитых больных



FOLIO

100 знаменитых

Елена Кочемировская

50 знаменитых больных

«ОМІКО»

2004

Кочемировская Е.

50 знаменитых больных / Е. Кочемировская — «OMIKO», 2004 — (100 знаменитых)

Магомет – самый, пожалуй, знаменитый эпилептик в истории человечества. Жанна д'Арк, видения которой уже несколько веков являются частью истории Европы. Джон Мильтон, который, несмотря на слепоту, оставался выдающимся государственным деятелем Англии, а в конце жизни стал классиком английской литературы. Франклин Делано Рузвельт – президент США, прикованный к инвалидной коляске. Хелен Келлер – слепоглухонемая девочка, нашедшая контакт с миром и ставшая одной из самых знаменитых женщин XX столетия. Парализованный Стивен Хокинг – выдающийся теоретик современной науки, который общается с миром при помощи трех пальцев левой руки и не может даже нормально дышать. Джон Нэш (тот самый математик, история которого легла в основу фильма «Игры разума»), получивший Нобелевскую премию в области экономики за разработку теории игр. Это политики, ученые, религиозные и общественные деятели…Предлагаемая вниманию читателя книга объединяет в себе истории выдающихся людей, которых болезнь (телесная или душевная) не только не ограничила в проявлении их творчества, но, напротив, помогла раскрыть заложенный в них потенциал. Почти каждая история может стать своеобразным примером не жизни «с болезнью», а жизни «вопреки болезни», а иногда и жизни «благодаря болезни». Автор попыталась показать, что недуг не означает крушения планов и перспектив, что с его помощью можно добиться жизненного успеха, признания и, что самое главное, достичь вершин самореализации.

© Кочемировская Е., 2004
© OMIKO, 2004

Содержание

От авторов 6
АЛИ МОХАММЕД 8
АНДЕРСЕН ГАНС-ХРИСТИАН 15
БАЙРОН ДЖОРДЖ НОЭЛЬ ГОРДОН 23
БЕТХОВЕН ЛЮДВИГ ВАН 30
БОРХЕС ХОРХЕ ЛУИС 36
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Елена Кочемировская
50 знаменитых больных

От авторов

Многого ли может добиться слепой от рождения человек? А ослепший? А потерявший слух? А лишенный возможности нормально передвигаться из-за паралича или излишней хрупкости костей? А человек, которого постоянно подстерегают припадки эпилепсии? А… Да мало ли болезней на свете?!

Ответ напрашивается сам собой – да нет, не многого. И тут же на ум приходят истории жизни многих замечательных людей. Магомет – самый, пожалуй, знаменитый эпилептик в истории человечества. Жанна д'Арк, видения которой уже несколько веков являются частью истории Европы. Джон Мильтон, который, несмотря на слепоту, оставался выдающимся государственным деятелем Англии, а в конце жизни стал классиком английской литературы. Франклин Делано Рузвельт – президент США, прикованный к инвалидной коляске. Хелен Келлер – слепоглухонемая девочка, нашедшая контакт с миром и ставшая одной из самых знаменитых женщин XX столетия. Парализованный Стивен Хокинг – выдающийся теоретик современной науки, который общается с миром при помощи трех пальцев левой руки и не может даже нормально дышать. Джон Нэш (тот самый математик, история которого легла в основу фильма «Игры разума»), получивший Нобелевскую премию в области экономики за разработку теории игр. Это политики, ученые, религиозные и общественные деятели…

А если коснуться биографий «людей творчества» – художников, композиторов, поэтов, – то может показаться, что среди них вообще не было здоровых людей. Слишком уж много странностей за ними числится: меланхолия Байрона, депрессии Левитана, эпилепсия Достоевского, химеры Гойи, страхи Гоголя, необъяснимые пугливость и ярость Микеланджело, страсть Ван Гога к желтому цвету, галлюцинации Кафки.

Как же объяснить такое видимое противоречие? С одной стороны, возможности не вполне здоровых людей, в общем-то, ограничены. С другой – почти невозможно оспорить тот факт, что многие из великих людей страдали самыми разными недугами (кто телесными, кто душевными).

Объяснения могут быть самыми разными. Кто-то пренебрежительно усмехнется и решит, что никакой закономерности не существует – просто мы чаще обращаем внимание на достижения людей, которые, по идее, не могли ничего добиться в жизни. Кто-то авторитетно заявит, что мы склонны приписывать художникам и поэтам странности и выискивать у них симптомы болезней просто потому, что они – художники и поэты.

Кто-то (как Борис Сотников), напротив, скажет, что здоровый человек не может ощущать в полной мере глубину красоты и, тем более, бездну зла окружающего мира, а потому-то и творцы подвержены болезням. Кто-то приведет данные В. Эфроимсона о биохимической природе гениальности и процитирует Ч. Ломброзо, что гений и болезнь неразрывно связаны. Отражаясь на психике, симптомы болезней дают причудливые и своеобразные клинические картины расстройств, которые проявляются в деятельности человека. Кто-то вслед за К. Ясперсом тут же уточнит – недуг (особенно душевный) далеко не всегда лежит в основе гениальности, он лишь ярче раскрывает заложенные природой способности, дает направления для творчества, невидимые здоровому человеку. И приведет неоспоримые примеры: Винсент Ван Гог, Врубель, Мопассан, Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов, Д. Мильтон.

Кто-то вспомнит теорию А. Адлера о компенсации. Суть ее, в общих чертах, состоит в том, что человек, стремясь занять достойное себя место в обществе, старается каким-то обра-

зом преодолеть, компенсировать те ограничения, которые наложила на него природа (скажем, слепой Стив Уандер становится знаменитым певцом, весьма болезненный Кант – одним из глубочайших умов Европы). Бывает и так, что человек добивается выдающихся результатов в той области, в которой у него, казалось бы, нет никаких шансов – заикающийся Демосфен превращается в великого оратора, дислектик Хоффман становится кинозвездой и учит роли «на слух», Аркадий Райкин, Андрей Миронов, Борис Виан и Фредди Меркьюри продолжают артистическую деятельность вопреки запретам врачей, Гарринча становится знаменитейшим футболистом, несмотря на хромоту. Кто-то пытается «изжить» свой недуг, осознанно или неосознанно проецируя его проявления на своих героев, как это делали Достоевский, Гоголь, Чехов; кто-то под влиянием болезненных видений создает живописные шедевры, как Гойя, Дали, Врубель, Ван Гог.

П. Бейлин пишет по этому поводу: «По-разному болеют люди, и этому не перестаешь удивляться! Каждый имеет свой «почерк», «свое лицо» в болезни». Болезнь оказывает большое влияние на жизнь человека, его характер, общение с окружающими, отношение к своему труду. Реакция на болезнь является, прежде всего, способом защиты, противодействия патологическому началу, которое, в противном случае, неминуемо разрушило бы организм и психику человека.

Когда люди заболевают, то еще задолго до появления несомненных признаков болезни у них возникают явления общего порядка: то ли чувство необъяснимой тоски, то ли безразличие к окружающему. Человек начинает как бы приглядываться, прислушиваться к своему внутреннему телесному миру. Осознав свою болезнь, он начинает переживать свое отношение к ней, на что свой отпечаток накладывают его интеллектуальный уровень, свойства ума, интересы и волевые качества, творческие способности. Решающими же факторами, от которых зависит переживание человеком болезни, является его мировоззрение, взгляды и убеждения, сформировавшиеся до развития заболевания.

В результате люди по-разному относятся к своей болезни: борются с ней, уходят от нее, покоряются ей, боятся ее, тяжело ее переживают. Некоторые стыдятся своей болезни и скрывают ее, другие бравируют недугом, выставляют его напоказ то ли в поисках каких-то выгод, то ли из-за нехватки душевных сил расстаться с ним или, вернее, с его видимостью. Если такому «больному» сказать, что он здоров, то он не успокоится, а будет искать все новые «несомненные» симптомы смертельной хвори. Встречаются люди, потерявшие мужество, одолеваемые отчаянием и страхом. Иные уверены, что болезнь – результат чьего-то злого умысла, они завидуют и ненавидят здоровых, склонны винить других в своей болезни. Кому-то все кажется нипочем; даже пораженные серьезным недугом, они продолжают считать себя здоровыми, усугубляя его. Но далеко не у каждого достанет воли и силы духа, чтобы не просто преодолеть свою болезнь или забыть о ней, но использовать недуг как ступеньку к самосовершенствованию, как способ творческой или человеческой самореализации, как испытание, призванное закалить волю и помочь в достижении жизненного успеха.

Предлагаемая вниманию читателя книга объединяет в себе истории выдающихся людей, которых болезнь (телесная или душевная) не только не ограничила в проявлении их творчества, но, напротив, помогла раскрыть заложенный в них потенциал. Почти каждая история может стать своеобразным примером не жизни «с болезнью», а жизни «вопреки болезни», а иногда и жизни «благодаря болезни». Автор попыталась показать, что недуг не означает крушения планов и перспектив, что с его помощью можно добиться жизненного успеха, признания и, что самое главное, достичь вершин самореализации.

Автор приносит благодарность Д. Болотову и А. Фомину за оказанную помощь при подготовке книги.

АЛИ МОХАММЕД

(род. в 1942 г.)

Мохаммед Али – величайший из боксеров и один из самых известных людей в мире. Чего только о нем ни писали: феномен, актер, мятежник, радикальный мусульманин, борец за гражданские права. В 2000 году Би-би-си назвала Али спортсменом века. Он – человек-легенда, боксер, побеждающий в самых сложных боях. Он и сегодня стремится одержать победу, но его нынешний противник коварнее всех его былых соперников.

Речь идет о болезни Паркинсона – тяжелом прогрессирующем заболевании головного мозга, поражающем в основном людей среднего и пожилого возраста. Причины ее возникновения до сих пор остаются загадкой. Известно, впрочем, что в процессе болезни погибают подкорковые клетки головного мозга, что при воспалении мозга, при атеросклерозе сосудов головного мозга болезнь прогрессирует. В основе болезни Паркинсона лежат сложные биохимические процессы, сопровождающиеся недостатком дофамина, который играет роль переносчика сигналов от одной нервной клетки к другой.

Человека, страдающего болезнью Паркинсона, узнать несложно: передвигается он мелкими шажками, его движения замедлены, мышцы напряжены, лицо напоминает маску. Больной делает непроизвольные движения пальцами рук по типу «счета монет»; у него дрожат голова, нижняя челюсть, язык. Дрожь обычно усиливается при неподвижности или при сильном волнении, слабеет в движении, а во время сна практически исчезает. В тяжелых случаях человеку трудно совершать самые простые действия – вставать с постели, одеваться, удерживать равновесие.

Болезнь Паркинсона неизлечима. Постепенно больной теряет способность обслуживать себя, но при этом интеллект его не страдает. Человек становится безынициативным, апатичным, раздражительным, эгоцентричным, назойливым, плаксивым.

Мохаммед Али заболел, когда ему еще не было и сорока. Причина – многочисленные ушибы головы и сотрясения мозга. Бывший тренер боксера, Анджело Данди, подсчитал, что за

22 года чемпион получил на ринге не менее трех тысяч ударов в голову. Выдающийся боксер, который «порхал, как бабочка, и жалил, как пчела», сегодня с трудом передвигается, почти не разговаривает и радуется, если, выпивая утреннюю чашку кофе, умудряется не пролить ни капли на стол. Но даже в нынешнем состоянии от него исходит такая энергия, какой могут позавидовать самые молодые и здоровые спортсмены мира.

Мохаммед Али продолжает оставаться самим собой – вокруг его имени время от времени вспыхивает очередной скандал. То он судится с компанией, которая использовала его имя для рекламы спортивной одежды. То выставляет иск на 50 млн долларов Columbia Pictures за то, что компания собирается снять о нем фильм без согласования с компанией Muhammad Ali Production фактов его биографии. То приносит извинения своему сопернику Джо Фрэзеру за оскорбления, нанесенные в 1970 г. То на ринге встречаются дочери Али и Фрэзера.

Мохаммед Али появился на свет 17 января 1942 года в г. Луисвилль, штат Кентукки, при рождении получил имя Кассиус Марцеллиус Клей. Его семья не бедствовала: отец был рекламным художником, мальчика учили рисовать, приучали читать хорошую литературу. Главной проблемой Кассиуса стал цвет кожи, который в те годы был серьезным препятствием в карьере.

Мать Кассиуса, Одетта Клей, говорила, что едва не принесла из родильного дома чужого ребенка – ей вручили не того младенца. Восстановить справедливость помог сам Кассиус, который с момента появления на свет безостановочно орал. А младенец, выданный Одетте, был слишком тихим. Она заволновалась, что с малышом что-то не так, и тут же обнаружила ошибку.

Повзрослев, Кассиус продолжал выделяться на фоне ровесников своей неуемной энергией – он был неотразим на ринге и невыносим за его пределами. Казалось, начав вопить в роддоме, он никак не может остановиться: «Я самый умный и самый образованный. Самый смелый, культурный и веселый. У меня нет недостатков… Я могу писать интервью, пока у вас не иссякнут чернила. Я – пример для подражания, я велик!» Это было сказано боксером во время одной из пресс-конференций.

Заниматься боксом Кассиус начал в 12 лет в одном из спортзалов Луисвилля. Мальчик пришел туда, ведомый жаждой мести. Родители подарили Кассиусу на день рождения велосипед, а его тут же украли. Кассиус пришел в ярость, выкрикивал угрозы в адрес вора: «Найду – врежу по первое число». И услышал в ответ: «Научись сначала драться». Полисмен, перед которым распинался Кассиус, оказался тренером местного любительского боксерского клуба. Его звали Джо Мартин, и он стал первым тренером будущей звезды.

Ни похититель, ни велосипед обнаружены так и не были, но Кассиуса это уже не интересовало. Мальчик нашел свое призвание. Через неделю он одержал свою первую победу на ринге, уложив одного из старых членов клуба. Почувствовав вкус победы, Кассиус поставил цель: стать лучшим из лучших, вернее, не так: стать единственным. И у него были для этого все данные.

Через несколько лет, в шестнадцатилетнем возрасте, Кассиус сменил тренера – он перешел к Анджело Данди. По легенде, Кассиус сам позвонил Данди и сказал, что тот просто обязан стать его тренером, так как Кассиус скоро станет олимпийским чемпионом, а потом и чемпионом мира среди профессионалов.

Позднее Анджело Данди говорил, что когда услышал такое беспардонное хвастовство, то собрался резко отказать и повесить трубку. Но неожиданно для самого себя пригласил нахала на тренировку, а увидев Кассиуса на ринге, возблагодарил Небеса за то, что они не допустили, чтобы он совершил самую большую ошибку в своей жизни. Юноша был несомненно психомоторно одарен, легко овладевал самыми сложными приемами, обладал удивительной интуицией и строил сложнейшие комбинации, требовавшие быстрой сообразительности и неуемного воображения. И наконец, стремительностью – Джо Мартин внушил ему, что в боксе все решает скорость.

Кассиус очень гордился своей мгновенной реакцией, выработанной варварским, но безотказным способом: он просил приятелей швырять в него камни. Сам боксер не сходил с места и лишь уклонялся от летящих камней. Поначалу он ходил в синяках, но вскоре стал возвращаться домой совершенно невредимым.

Несмотря на спортивный гений Кассиуса, многие считали, что ничего путного из него не выйдет, уж очень мало он весил. Была еще одна странность, пугавшая врачей: обычно пульс Клея составлял 55–56 ударов в минуту, но при малейшем волнении подскакивал до 120. Верхний показатель кровяного давления в это время достигал 190. Тренер боялся, что по медицинским показаниям его подопечному придется оставить спорт, но сам Кассиус был единственным человеком, которого не волновали капризы собственного организма. Он продолжал работать на победу.

Изнурительные тренировки сделали свое дело. К 18 годам Клей одержал на ринге 100 побед в 108 боях, шесть раз был победителем первенства США. В 1959 году Клей выиграл любительский турнир «Золотая перчатка» и вошел в профессиональную сборную США. Кульминацией его стремительной карьеры стала победа на Олимпийских играх 1960 года в Риме.

Позже боксер будет эпатировать публику заявлениями о своих победах, предсказывая, в каком именно раунде нокаутирует противника. Однако, когда его включили в сборную, он так испугался проигрыша, что поначалу не хотел ехать на Игры.

В Риме он встречался с серьезными противниками, но с первых минут появления Клея на ринге стало ясно, что взошла новая звезда. Его стиль проявился сразу: невероятная подвижность, постоянное кружение, мягкие пружинистые прыжки, блокирующие ответные удары, движения, похожие на ритуальные пляски. Он танцевал на ринге, изматывая соперника.

Стоя на высшей ступеньке олимпийского пьедестала, новый чемпион тоже танцевал, исполняя импровизации в честь собственной победы. А потом всю ночь бродил по римским улицам и демонстрировал золотую медаль всем прохожим.

Америка встретила Кассиуса торжествами в его честь. Мама плакала от радости, проезжая с сыном по Луисвиллю в сопровождении эскорта. На приемах в честь чемпиона губернатор штата рассыпался в комплиментах и фотографировался с ним на память.

Но прошло несколько дней, и Кассиуса не пустили в местный ресторан – «цветных не обслуживаем». Это был нокаут. В тот же день Кассиус швырнул свою медаль в реку Огайо. Там награда покоится и до сих пор – впрочем, в 1996 году боксеру торжественно вручили ее дубликат.

Кассиус Клей стал гордостью Луисвилля, и решено было финансировать тренировки профессионального боксера. Город был потрясен, когда деньги выделил миллионер Уильям Фаверхэм, известный скряга. Клей смеялся: «Он приходил на мои тренировки и подозрительно следил за происходящим. Он хотел убедиться, что совершил удачное капиталовложение. Он приносил мне заметки о моих боксерских подвигах, но не забывал стребовать те несколько центов, которые заплатил за газеты».

После победы на Олимпиаде Кассиус ушел из любительского спорта. Звание олимпийского чемпиона – это 9–10 места в профессиональном рейтинге. Клей рвался к чемпионскому поясу, но многие считали его выскочкой, который вот-вот получит по заслугам, пусть знает свое место.

В феврале 1964 года Кассиус Клей вышел на ринг против тогдашнего чемпиона мира Сонни Листона. Ставки на тотализаторе перед началом боя Клея и Листона были 1:7. Кассиус всячески оскорблял соперника (позже это стало «доброй традицией»), а в шестом раунде все закончилось – Сонни Листон сдался, объявив, что не может продолжать бой из-за травмы плеча. Чемпион заговорил о матче-реванше, но боссы Всемирной боксерской ассоциации всячески избегали сводить Листона и Клея, выставляя какие-то непонятные кандидатуры. Но Клей был непробиваем – только Листон. Он жаждал настоящей победы.

В итоге результаты матча были признаны недействительными, и Всемирная боксерская ассоциация лишила Клея чемпионского титула. В мае 1965 года матч-реванш все же состоялся (по версии WBC), и Клей подтвердил свое право на чемпионский титул.

Следующие полтора года для Кассиуса Клея были триумфальными. Он победил Флойда Паттерсона, Зора Фолли, Джорджа Чувало, Генри Купера и Брайана Лондона. Впрочем, Кассиуса Клея к тому моменту уже не существовало – на ринг выходил Мохаммед Али.

Предки боксера были собственностью некоего Кассиуса Марцеллиуса Клея. Когда-то чернокожий слуга дал старшему сыну имя своего хозяина, и с тех пор в семье этим именем называли всех старших сыновей. Так же нарекли и будущего чемпиона, но в феврале 1964 г. боксер потряс всех заявлением, что не будет более носить имя раба. Он принял ислам, вступил в секту «Черные мусульмане», сменил имя и стал священником. Отныне его звали Мохаммедом Али. Поступок Али окрасил жизнь профессионального боксера политический подтекст – отныне каждая его победа на ринге была победой всех чернокожих американцев.

Али стоял перед трудным выбором. Контракт с луисвилльскими бизнесменами, продвигавшими его на ринге, закончился, и Али остался один на один с гангстерскими законами боксерских ассоциаций. Он отказался от сотрудничества с профессиональными промоутерами. Менеджером чемпиона стал его духовный наставник Герберт Мохаммед.

Кроме бокса, Али начал проповедовать. «Черные мусульмане» и проповедничество дали толчок природным способностям Али: он был наделен даром красноречия и умел держать аудиторию в напряжении. Новая роль пришлась ему по вкусу. Темы проповедей были самыми разными, но чаще всего Мохаммед рассказывал о своих победах и планах.

Али строго соблюдал законы ислама и кодекс «Черных мусульман»: он не пил, не курил, не танцевал, не пел светских песен. Того же он требовал от своей первой жены, манекенщицы Сони Рой, которая не смогла смириться с ролью послушной мусульманской жены и ушла от боксера через полгода после свадьбы.

В жертву сурового кодекса Али чуть было не принес свою спортивную карьеру, ибо «Черные мусульмане» осуждали бокс. Однако слава Мохаммеда Али была для них отличной рекламой, и для него сделали исключение. Кроме того, менеджер Али был сыном главы «Черных мусульман», которые не скрывали, что членство Мохаммеда Али было очень важно для них не только в идеологическом, но и в финансовом плане.

А он продолжал одерживать победы. 6 февраля 1967 года Мохаммед Али подтвердил свое право на звание сильнейшего боксера-профессионала, одержав убедительную победу над чемпионом мира по версии WBA. Им был некий Эрни Террел, к которому перешел титул, отнятый когда-то Ассоциацией у Мохаммеда Али. В свое время Али сделал вид, будто ему безразлично решение WBA, но теперь он получил возможность отыграться. Бедняга Эрни стал козлом отпущения – Али избивал его в течение пятнадцати раундов. Перед каждым раундом он нежно спрашивал Эрни: «Ну что, ты еще помнишь, как меня зовут?»

Не успела отгреметь шумиха вокруг этого матча, как Али снова оказался в эпицентре политического скандала. На этот раз Мохаммед Али отказался принять военную присягу и выступил против войны во Вьетнаме.

Новобранцев выстроили на плацу военной базы в Хьюстоне и зачитали им текст присяги. После этого каждый, услышав свое имя, должен был сделать шаг вперед. Когда офицер вызвал Мохаммеда Али, тот остался стоять в строю. Офицер повторил имя рядового Али, но тот не шелохнулся.

Новость моментально распространилась по всем Штатам – на церемонии принятия присяги присутствовала пресса. Мохаммед заявил: «Руководствуясь своей совестью, личными и религиозными убеждениями, я принял решение отказаться служить в армии…Я не поеду за тысячи километров помогать тем, кто исповедует веру рабовладельцев, угнетает людей с иным цветом кожи в разных странах мира». Подобные заявления Мохаммед делал и раньше, но все

были уверены, что это бравада. Никто не ожидал, что Али действительно выступит против политики государства.

Поступок Али произвел эффект разорвавшейся бомбы. Всемирная боксерская ассоциация снова лишила Мохаммеда Али титула чемпиона мира. Это решение поддержали Ассоциация бокса Нью-Йорка, Европейская и Английская ассоциации. Против Мохаммеда было возбуждено дело об уклонении от воинской повинности, и суд Хьюстона вынес приговор: 5 лет тюрьмы и 10 тысяч долларов штрафа. Тюремного заключения удалось избежать: боксер внес большой денежный залог, но лишился возможности выступать на ринге. Адвокат подал апелляцию, и началась долгая четырехгодичная тяжба.

Официально Али не мог участвовать в соревнованиях, но постоянно выступал на антивоенных митингах, вел активную пропаганду. Сыграл в антирасистской пьесе в театре на Бродвее, обнаружив незаурядные актерские способности.

В поддержку Али составляли петиции как простые американцы, так и интеллектуальная и творческая элита страны. В декабре 1969 г. в Белый дом было направлено обращение с требованием разрешить Али вернуться на ринг. Под ним стояли подписи Игоря Стравинского, Джона Апдайка, Элизабет Тейлор, Айзека Азимова, Генри Фонды, Ирвина Шоу – всего сто двадцать подписей.

Лишь в 1970 г. Верховный суд США принял решение о прекращении дела Мохаммеда Али и вынес оправдательный приговор: боксер имел право отказаться от военной службы по религиозным и моральным убеждениям. Дисквалификация была отменена, и Али смог вернуться на ринг. Тренер, правда, смотрел на будущее Мохаммеда без оптимизма: профессиональный бокс не признает столь долгого перерыва.

Бои после «второго пришествия» Али показали, что нет правил без исключений. Экс-чемпион не уклонялся ни от одного предложенного матча и с феноменальным упорством тренировался. Али рассказывал: «Я бегал до тех пор, пока мои легкие едва не лопались, а язык не распухал. Как же я терзал свое тело и как ненавидел бесконечные тренировки, когда каждый мускул просил пощады! Но я твердил себе: страдай, если хочешь стать чемпионом».

В октябре 1970 г. Али вернулся на ринг, победил нескольких соперников подряд, а 20 марта 1971 г. состоялся «матч столетия» между Мохаммедом Али и Джо Фрэзером. Али, как всегда, хвастался, всячески оскорблял Фрэзера (через тридцать лет он перед ним извинится) и в итоге проиграл по очкам.

Поражение в поединках с Фрэзером, одним из сильнейших боксеров-тяжеловесов, подхлестнуло Али, и он стал готовиться к матчу-реваншу, который состоялся 28 января 1974 г. Мохаммед Али выиграл этот бой по очкам. Али вернулся. Он снова танцевал, кружил, ерничал, прикидывался обессилившим настолько, что, мол, у него подгибаются ноги, сбивал противника с толку, забивался в угол ринга, будто перепуганный мощными ударами «великолепного Джо». А потом обрушился на Фрэзера всей своей мощью – и победил. Это был уже не просто бокс, это было театральное действие.

Впрочем, титул чемпиона мира в том матче Али себе вернуть не смог. Фрэзер к тому времени потерпел поражение от Джорджа Формена. На пресс-конференции Али нахально заявил: «Я отлупил Фрэзера, отлуплю и Формена, а потом снова стану чемпионом».

В следующем году Али закрепил свой успех, взяв верх над Фрэзером в матче, получившем название «Триллер в Маниле». Эта схватка стала переломной в карьере обоих. Джо расстался с мыслью бороться за чемпионский титул. Сам Али еще некоторое время был в славе, но высших результатов уже не показывал – во всяком случае, так считают специалисты.

Но это было в 1975 году, а 30 октября 1974 г. в Киншасе, столице Заира (Конго), Али встретился с Джорджем Форменом. Матч получил название «Грохот в джунглях».

Джордж Формен считался боксером с фантастической силы ударом: из 40 выигранных им матчей 37 закончились нокаутом во втором раунде после сокрушительного удара правой в

челюсть. Его тренер Дик Сэндлер говорил: «Я вырастил настоящего монстра. Ни один человек на земле не может с ним справиться». Казалось бы, у Али нет шансов – в предыдущих поединках Формен выигрывал по очкам, да и скорость и маневренность Али заметно снизились по сравнению с предыдущими годами.

Зрители считали, что Джо раздавит Али, большинство поставило на Формена. Тренер рассказывал, что впервые увидел страх в глазах вышедшего на ринг Али. Однако он уже с первых секунд показал виртуозную технику боя и защиты.

Али пошел в наступление в пятом раунде, нанеся Формену восемь ударов в голову. Измотанный Формен терял силы, а значит, свое главное преимущество. В восьмом раунде он ринулся на Али всей своей массой, загнал в угол, нанес удар. Канаты спружинили, Али упал прямо на противника. За это мгновение он успел вывернуться и нанести удар. Формен упал. Нокаут.

Победа 32-летнего Али была не только безусловной, но и редкостно красивой. Он стал вторым человеком в профессиональном боксе, который сумел вернуть себе титул чемпиона мира. На пресс-конференции он заявил: «Мастерство всегда одержит победу над грубой силой».

В 1975 г. Мохаммед Али провел в Токио экспериментальный матч со знаменитым японским каратистом Антонио Иноки, чтобы получить ответ на извечный вопрос: если встретятся боксер и каратист, кто кого побьет? Матч окончился вничью. Вопрос остался без ответа.

В 1977 г. Мохаммед Али уступил титул чемпиона молодому профессионалу Леону Спинксу – чемпиону Олимпийских игр 1976 г. Матч-реванш был назначен на осень 1978 г., а до того Мохаммед Али совершил турне по Советскому Союзу.

Али произвел на москвичей неизгладимое впечатление. Встав в 5.30, Али отправился на пробежку, завершившуюся на Красной площади. Он подошел к мавзолею и с интересом понаблюдал церемонию смены караула. Поднялся переполох, в результате переводчика Юрия Маркова, тогдашнего ответственного секретаря Федерации бокса СССР, обязали неотлучно находиться возле Али, чтобы контролировать и по возможности пресекать его выходки.

В поездке по республикам СССР Али сопровождала жена Вероника, которая беззастенчиво брала все, что плохо лежит. В Ташкенте, к примеру, после каждого приема она собирала столовое серебро и укладывала его в большую сумку. Смущенные узбеки переглядывались, но замечания делать не решались, Вероника же пользовалась замешательством хозяев. Позднее, при разводе, она обобрала Али, но… это случается со многими знаменитыми американцами.

Али встречался с Л. Брежневым и получил от него подарки: томик «Малой земли» и часы. Напоследок в зале ЦСКА Мохаммед Али провел показательный матч с советскими боксерами Горсковым, Заевым и Высоцким.

Али вернулся из СССР довольным, наконец-то он увидел государство, где нет расизма и не ведутся бессмысленные войны. Идиллия закончилась быстро: советские войска вошли в Афганистан. Али самым резким образом осудил эту акцию – он даже ездил по странам Африки, призывая тамошних спортсменов бойкотировать Московскую олимпиаду.

15 ноября 1978 г. Али победил Леона Спинкса в матче из 15 раундов. Он в третий раз завоевал титул абсолютного чемпиона мира, повторив рекорд Джо Луиса, и заявил о своем уходе с ринга. Из 56 боев, проведенных им, лишь 3 оказались проигранными. Али говорил, что уже не будет пытаться взойти на боксерский Олимп в четвертый раз.

Однако в октябре 1980-го 39-летний Али предпринял попытку снова вернуться на ринг, чтобы завоевать титул сильнейшего, но потерпел сокрушительное поражение от своего бывшего спарринг-партнера Ларри Холмса. В 1981 г. он провел на профессиональном ринге свой 61-й бой, потерпел 5-е поражение и ушел из спорта.

К тому времени разводы с часто меняющимися женами сильно истощили счета Мохаммеда. Братья-мусульмане тоже не выпускали из поля зрения капиталы Мохаммеда Али. Хорошо хоть, что Али вложил часть денег в сеть ресторанчиков «фаст-фуд».

Однако нынешняя размеренная жизнь и необходимость строго контролировать свои счета оказались для Али непривычными, за долгие годы он привык к роскоши. С трудом адаптируясь к новой реальности, он пристрастился к виски, нарушая тем самым законы «Черных мусульман». Но самое страшное – проблемы со здоровьем. В 1986 году у него диагностировали болезнь Паркинсона. Это было трудное время для Али, несколько лет он жил затворником, пытаясь в одиночку противостоять болезни.

А потом Али снова женился, на соседской «девчонке Лонни», которая была на пятнадцать лет моложе его. С семилетнего возраста она мечтала выйти замуж за Кассиуса Клея – и своего добилась. Сейчас они живут на ранчо в Мичигане с приемным сыном Асадом.

В 1996 г. Мохаммед Али еще раз явился перед миром как олицетворение спортивной славы. Во время открытия летней Олимпиады в Атланте, в год столетия современного олимпийского движения, он зажег олимпийский огонь в чаше стадиона. Он прилагал неимоверные усилия, чтобы факел в его руке не дрожал, – и он выиграл этот очередной бой. Наверное, один из самых тяжелых в жизни.

Сегодня Али полностью переключился на общественно-религиозную деятельность, он часто посещает благотворительные вечера, детские больницы, Национальный фонд страдающих болезнью Паркинсона. Главное для Али – доказать, что он не сдается болезни, что его интеллект не затронут. Те, кто часто общается с Али, видят в нем живого, мыслящего и остроумного собеседника.

Иногда его просят показаться в образе «танцующего боксера». И тогда происходит чудо. На какие-то мгновения тело Али побеждает болезнь: его руки и ноги работают как в былые времена, а в глазах вспыхивает азартный огонь.

АНДЕРСЕН ГАНС-ХРИСТИАН

(род. в 1805 г. – ум. в 1875 г.)

«Жизнь моя – настоящая сказка, богатая событиями, прекрасная! Если бы в ту пору, когда я бедным, беспомощным ребенком пустился по белу свету, меня встретила на пути могущественная фея и сказала мне: «Избери себе путь и дело жизни и я, согласно с твоими дарованиями и по мере разумной возможности, буду охранять и направлять тебя!» – и тогда жизнь моя не стала бы лучше, счастливее, радостнее…»

«Я заплатил за свои сказки большую непомерную цену. Отказался ради них от личного счастья и пропустил то время, когда воображение должно было уступить место действительности».
Г.-Х. Андерсен

Сказки Ганса-Христиана Андерсена знают все – кто-то по книгам, кто-то по экранизациям и мультфильмам, кто-то по театральным пьесам. Каждый человек в свое время, затаив дыхание, следил за путешествием маленькой отважной Герды, не испугавшейся Снежной королевы, горевал над судьбой Элизы, чьи пальцы были обожжены крапивой, из которой она шила волшебные рубашки для братьев-лебедей, ждал появления Оле-Лукойе с цветным зонтиком. Пожалуй, только в сказках Андерсена на поленьях расцветают розы, принцессы влюбляются в свинопасов, а вещи по ночам рассказывают чудесные истории, полные любви, разочарований и надежд. Да и вообще словосочетание «сказки Андерсена» вызывает множество ассоциаций, воспоминаний, образов у любого человека.

А что мы знаем о самом Гансе-Христиане, кроме того, что он жил в Дании в XIX веке? Да почти ничего. «…К сожалению, такова судьба авторов самых любимых детских книг: убыв по возрасту из мира, куда уже не вернуться ни в сундуке-самолете, ни в семимильных сапогах, мы редко любопытствуем, кто же был тот, кто незримо был рядом с нами все детство». Увы,

нельзя не признать справедливость этих слов, сказанных в свое время супругами Ганзен, переводчиками сказок Андерсена (по признанию многих – лучшими из российских переводчиков всех времен).

Итак, 2 февраля 1805 года родители будущего сказочника поженились. И ровно через два месяца, 2 апреля, в бедном квартале городка Оденсе на свет появился самый известный в мире датчанин Ганс-Христиан Андерсен. Он лежал на постели, которую отец-башмачник соорудил из деревянного помоста, где недавно стоял гроб с останками графа Трампе. Его родители были нищими.

Когда взрослого писателя спросили, где он родился, тот ответил, что и сам не знает. Нынешний домик-музей – это миф; в этом домике Андерсен мог родиться (впрочем, как и в каком-нибудь другом доме Оденсе). Отцу, имя которого было Ганс-Христиан Андерсен, в момент появления будущего сказочника на свет было 22 года, а матери – никак не меньше 30 лет.

Бабка Андерсена со стороны матери имела, по крайней мере, трех внебрачных дочерей и уже с этим «багажом» вышла замуж за скорняка-подмастерья, отпущенного на волю из каторжной тюрьмы. Старшая из этих трех дочерей и стала матерью Ганса-Христиана-младшего. Вторая дочь в отрочестве сбежала от нищеты Оденсе в Копенгаген. Позже, уже будучи взрослым, Андерсен разыскал ее в публичном доме…

Дед писателя по отцовской линии был городским сумасшедшим, над которым смеялись уличные мальчишки (по этой причине Ганс-Христиан Андерсен всю жизнь боялся сойти с ума).

У матери будущей гордости скандинавов тоже была внебрачная дочь, которую она родила в 1799 году. В 1842 году, когда Андерсен был уже известным литератором, она навестила своего знаменитого брата, но больше встреч у них не было – видимо, из-за той высокой социальной ступени, на которой оказался ее брат по матери. Через четыре года после этой встречи сестра писателя скончалась.

Родители будущего писателя ничего не могли дать мальчику, кроме фамилии с окончанием «сен», указывающей на низкое происхождение. Вот как сам сказочник писал о своем рождении и детстве: «В 1805 году в городке Оденсе (на острове Фиония, Дания) в бедной каморке жила молодая пара – муж и жена, бесконечно любившие друг друга: молодой двадцатилетний башмачник, богато одаренная поэтическая натура, и его жена, несколькими годами старше, не знающая ни жизни, ни света, но с редким сердцем. Только недавно вышедший в мастера муж своими руками сколотил всю обстановку сапожной мастерской и даже кровать. На этой кровати 2 апреля 1805 года и появился маленький орущий комочек – я, Ганс-Христиан Андерсен. Я рос единственным и потому балованным ребенком; часто мне приходилось выслушивать от матери-прачки, какой я счастливый, мне-то ведь живется куда лучше, чем жилось в детстве ей самой: ну, прямо настоящий графский сынок! – говорила она. Ее саму, когда она была маленькой, выгоняли из дому просить милостыню. Она никак не могла решиться и целые дни просиживала под мостом, у реки. Слушая ее рассказы об этом, я заливался горючими слезами».

Уже в раннем детстве мальчик отличался эмоциональностью и тонким восприятием мира, склонностью к мечтательности и фантазированию. Даже самые незначительные впечатления оставляли глубокий след в его душе.

«Помню я событие, случившееся, когда мне минуло шесть лет, – появление кометы в 1811 году. Матушка сказала мне, что комета столкнется с землей и разобьет ее вдребезги или случится какая-нибудь другая ужасная вещь. Я прислушивался ко всем слухам вокруг, и суеверие пустило во мне такие же глубокие и крепкие корни, как и настоящая вера».

Понятие о вере привил Андерсену отец – человек, любивший без памяти книги и обладавший не только живым и тонким воображением, но и большой долей здравого смысла. Андерсен вспоминал: «Отец читал нам вслух не только комедии и рассказы, но исторические

книги и Библию. Он глубоко вдумывался в то, что читал, но когда заговаривал об этом с матушкой, оказывалось, что она не понимает его; оттого он с годами все больше замыкался в себе. Однажды он раскрыл Библию и сказал: «Да, Иисус Христос был тоже человеком, как и мы, но человеком необыкновенным!» Мать пришла от его слов в ужас и залилась слезами. Я тоже перепугался и стал просить у Бога прощения моему отцу за такое богохульство».

На все увещевания о Божьем гневе и происках дьявола умный сапожник отвечал: «Нет никакого дьявола, кроме того, что мы носим в своем сердце!» Он очень любил своего маленького сына, общался в основном с ним: читал ему вслух разные книги, гулял по лесу. Заветной мечтой башмачника было жить в маленьком доме с палисадником и розовыми кустами. Позже подобные дома опишет Андерсен в своих знаменитых сказках.

Но мечте этой не суждено было исполниться! От физического перенапряжения – он так желал, чтобы семья его ни в чем не нуждалась! – отец Ганса-Христиана заболел и скоропостижно умер. Матери, для того чтобы содержать сына и иметь возможность откладывать деньги на его учебу, пришлось искать поденную работу. А худой долговязый мальчуган с огромными голубыми глазами и неистощимой фантазией целыми днями сидел дома. Закончив несложные хлопоты по хозяйству, забивался в уголок и разыгрывал представления в своем домашнем кукольном театре, который ему смастерил покойный отец. Пьесы для своего театра он сочинял сам!

По соседству с Андерсенами жила семья священника Бункефлода: его вдова с сестрами. Они полюбили мальчика и часто приглашали к себе. «В этом доме, – писал Андерсен, – я впервые услышал слово «поэт», произносимое с благоговением, как нечто священное…» В этом доме Ганс-Христиан познакомился с произведениями Шекспира и под их влиянием сочинил свою собственную пьесу. Она называлась «Карась и Эльвира» и была гордо прочитана вслух соседке-кухарке. Та грубо осмеяла ее, чем довела начинающего драматурга до слез. Мать утешала его: «Она так говорит потому, что не ее сын написал такую пьесу!» Ганс-Христиан успокоился и взялся за новые труды.

«Моя любовь к чтению, – писал он впоследствии, – хорошая память – я знал наизусть множество отрывков из драматических произведений – и, наконец, прекрасный голос – все это вызывало некоторый интерес ко мне со стороны лучших семейств нашего городка». С особенной теплотой Андерсен вспоминал семейство полковника Хёг-Гульберга, который, желая составить мальчику протекцию, представил его жившему тогда во дворце в Оденсе наследному принцу Кристиану (впоследствии королю Кристиану VIII).

Андерсен мало пишет об этой аудиенции, но, видимо, она имела для него значительные последствия. Благодаря ей Ганс-Христиан вскоре поступил в школу, где преподавали только Закон Божий, письмо и арифметику, да и то из рук вон плохо. «Я едва мог правильно написать хоть одно слово, – вспоминал Андерсен позднее. – Уроков я дома никогда не готовил – учил их кое-как по дороге в школу. Часто уносился мечтами бог весть куда, бессознательно глядя на увешанную картинами стену, и мне порядком доставалось за это от учителя. Очень любил я, – прибавляет писатель, – рассказывать другим мальчикам удивительные истории, в которых главным действующим лицом являлся, конечно, я сам. Меня часто за это поднимали на смех».

Горькое признание! Городок был мал, все быстро становилось известным. Когда Ганс возвращался из школы, за ним следом бежали мальчишки и, дразнясь, кричали: «Вон бежит сочинитель комедий!» Добравшись до дома, Ганс-Христиан забивался в угол, часами плакал и молился Богу… Мать пожалела сына и перевела его в еврейскую школу, где его никто не знал и где детей не наказывали.

…Ее звали Сара. Изящная девочка была единственной, кто считал Христиана милым, хотя паренек был высок, тощ и на редкость некрасив. Как-то раз она поцеловала его в щеку и сказала, что, когда вырастет, станет его женой. В благодарность за ее любовь Андерсен поведал

Саре свою «самую страшную тайну»: «Знаешь, а ведь я из благородной семьи. Вот увидишь, когда-нибудь передо мной будут снимать шляпу…»

В ответ на «откровенность» Ганса-Христиана Сара рассмеялась и покрутила пальцем у виска. Дружба кончилась, и свадьбы не случилось, но память о Саре осталась на всю жизнь. Знаменитая привычка Андерсена носить в петлице цветок была связана с воспоминанием об очаровательной девочке, которая когда-то подарила ему белую розу.

В 1819 году юный Андерсен отправился покорять Копенгаген. Дело в том, что после окончания школы мать решила отдать сына в подмастерья к портному, надеясь, что тяжелый труд «выбьет фантазии из его головы». Ганс-Христиан пришел в ужас от такой перспективы! «Я принялся умолять мать позволить мне лучше попытать счастья, отправившись в Копенгаген, который в моих глазах тогда был столицей мира. «Что ты там собираешься делать?» – спросила мать. «Я прославлю тебя», – ответил он и рассказал ей о том, что знал о замечательных людях, родившихся в бедности. «Сначала, конечно, придется много-много претерпеть, а потом и прославишься!» – говорил я. Меня охватило какое-то непостижимое увлечение, я плакал, просил, и мать наконец уступила моим просьбам…»

Его мать была уверена, что 14-летний мальчик скоро вернется домой, но Ганс-Христиан появился в Оденсе лишь через 50 лет. Не выдержав и недели в родном захолустье, он снова покинул его, уже навсегда.

В первое время в Копенгагене, прибыв в столицу с несколькими монетками в кармане, Андерсен пытался учиться пению. Благодаря своему голосу он нашел себе покровителей в лице профессора консерватории г-на Сибони, композитора Вейзе, поэта Гольдберга и, главным образом, конференц-советника Коллина. При их содействии Ганс-Христиан поступил в театральное училище, но, потеряв голос, перешел учиться в классическую гимназию и еще на школьной скамье обратил на себя внимание педагогов незаурядным талантом рассказчика и несколькими стихотворениями.

Поступив в университет, Андерсен в 1829 году напечатал сатирический рассказ «Путешествие пешком от Гольме-канала до Амака». Лирические его стихотворения имели большой успех, и Дания вскоре признала его как поэта. Основные темы поэзии Андерсена – любовь к Родине, пейзажи Дании и христианские темы. Многие замечательные его стихотворения, позже положенные на музыку, были переложением библейских псалмов и сюжетов. Обладая незаурядным умом и ироничностью по отношению к самому себе, Андерсен, тем не менее, неимоверно страдал от непризнания его таланта и произведений критикой и широким кругом читателей.

Попав в большой свет, он в полной мере ощутил всю унизительную силу насмешек. «Как он смешно кланяется! Хорошо, конечно, заботиться об образовании ума, но не надо пренебрегать и манерами!» – эти слова, произнесенные одной великосветской девицей, навсегда остались в памяти Андерсена.

Разумеется, Андерсен не вращался от рождения в великосветских кругах Дании и не был обучен правилам этикета. Но были и другие обстоятельства, которые делали его еще более неуклюжим, нерешительным и патологически застенчивым. В первую очередь это связано с внешним обликом сказочника, который, даже при самом к нему снисходительном отношении, не мог бы считаться красавцем. Чрезмерно высокий рост (даже для скандинавов) и худоба, «лошадиное» лицо и «рыбьи» глаза делали его весьма непривлекательным. Некоторые исследователи и биографы считают, что у Андерсена наблюдался неполный вариант синдрома Морфана – довольно редкого генетического заболевания, поражающего костно-мышечный аппарат и многие системы внутренних органов. Прибавьте к этому извечный страх мастера слова перед посторонними людьми (который с нынешних позиций можно трактовать как социофобию) и страх за свой собственный рассудок, и перед вами предстанет практически полный портрет

великого сказочника. И сегодня найдется немного людей, склонных поддерживать близкую дружбу с этаким ходячим пугалом.

Да, реальный мир был не очень к нему дружелюбен, и может быть, именно поэтому его уход в мир фантазий и сказок являлся своего рода защитным панцирем как от других, так и от самого себя.

В романе «Импровизатор» – тонком психологическом этюде о судьбе художника, чей дар долго пробивался сквозь каменные стены презрения и ненужности, – есть множество автобиографических эпизодов. Этот роман до сих пор считается вершиной творчества Андерсена – прозаика и психолога, однако в России он после революции 1917 г. не переиздавался.

Константин Паустовский как-то заметил, что очень трудно в сложной биографии Андерсена отыскать тот момент, когда он начал сочинять сказки. Достоверно известно одно: это было уже в зрелом возрасте. По мнению историка творчества Ганса-Христиана Андерсена, Александра Трофимова, первую сказку «Призрак» он сочинил в 1829 году, и она завершала сборник его стихов (потом этот фольклорный сюжет был переделан в сказку «Дорожный товарищ»). Когда в 1835 году Г.-Х. Андерсен закончил свой роман «Импровизатор», принесший ему европейскую славу, то решил еще раз обратиться к сказкам, причем написать их так, словно рассказывая ребенку. Так еще никто не писал. Разговорная речь его сказочной прозы удивляла, причем многие искренне советовали Андерсену бросить сочинительство сказок. Однако Х. К. Эрстед (ученый-химик, который в 1825 году впервые получил чистый алюминий) считал, что если благодаря «Импровизатору» Ганс-Христиан стал знаменитым, то сказки сделали его бессмертным.

Он сочинял сказки, если оставалось время от писания романов и пьес, и прошло много лет, прежде чем сказочник понял, какой клад он открыл. В итоге первый самостоятельный сборник сказок Андерсена вышел в 1835 году. А писатель создал новую литературную форму, новый стиль, благодаря которым стал единственным датским литератором, широко известным во всем мире. Андерсен стал автором более чем 170 сказок и историй, причем трудно назвать сказочников, чьи произведения были бы столь же многообразны и разноплановы.

Его сказки – и для детей, и для взрослых. Интересно, что в русских переводах XIX века сказки Андерсена назывались совсем иначе, чем теперь (например, знаменитую «Дюймовочку» звали «Лизок-с-вершок»). Трофимов, изучая творчество сказочника, говорил: «Я часто задумываюсь, почему Дюймовочка во всех своих странствиях ни разу не вспомнила о матери. Ведь та ради ее появления на свет отдала последние деньги, любила ее – и ни одного слова памяти, ни одной мысли. Я долго размышлял над этим и пришел к выводу, что и Андерсен не так часто вспоминал о матери, редко ее видел, она пила…»

Известно, что у одной из самых известных героинь сказок Андерсена был «реальный прототип». В ту пору (1822 год) Андерсена связывали особые отношения с Хенриеттой Вульф, дочерью переводчика Шекспира, адмирала Петера Вульфа. Внешне она была непривлекательна – маленького роста и горбатая, но обладала удивительными душевными качествами – нежностью, добротой, остроумием. Хенриетта всегда приходила на помощь, когда писатель не знал, как себя вести, и терялся во время светских сборищ в доме Вульфов.

Когда умерли ее родители, девица Вульф осталась жить у своего брата Христиана, морского офицера. Теперь молодые люди каждый день прогуливались по копенгагенскому побережью, и Андерсен рассказывал ей о новых сюжетах, о детстве. В сентябре 1858 года Хенриетта Вульф отплыла на пароходе «Австрия». В открытом море на судне случился пожар. Волнения и думы о маленькой горбунье не давали Андерсену покоя. Однажды на улице ему почудилось, что все дома превращаются в чудовищные волны. Он испугался за свой рассудок. «Вы – мой единственный светлый эльф», – писал Хенриетте Андерсен…

Крайнее беспокойство, чудовищная тревога всегда предшествовали приходу вдохновения у Андерсена и проходили, когда он брал в руки перо. Работал он очень быстро – ему всегда

было важно писать «по живому следу» пришедшей мысли, чтобы как можно скорее перенести ее на бумагу, придать форму ускользающей идее. А после – усталость, пустота…

Андерсен писал легко. Даже большие истории рождались всего за одну ночь, самое долгое – два дня. Однажды его знакомый в шутку сказал: «Ну, напишите нам новую забавную историю. Вы ведь можете написать даже о штопальной игле!» И Андерсен написал историю жизни штопальной иглы. «Сказки сами приходят ко мне, – говорил Ганс-Христиан. – Их нашептывают деревья, они врываются с ветром…»

Но есть у его сказок закономерность – все они печальны, и далеко не все имеют счастливый финал. Знаменитая сказка «Тень» закончилась смертью человека и победой Тени. Столь же невеселый конец в истории про ночной колпак: хозяин колпака умер в холодном безлюдном доме. Стойкий оловянный солдатик превратился в комок олова в пламени камина. Галоши счастья никому не принесли счастья… Из 156 сказок, написанных Андерсеном, 56 заканчиваются смертью героя. Среди них и «Русалочка», о которой Андерсен говорил, что «она – единственная из моих работ, которая трогала меня самого». Спустя годы в Копенгагенской бухте появится скульптура Русалочки, которая станет символом столицы Дании.

Русалочка всегда была образом трагической любви сказочника – в личной жизни Андерсену катастрофически не везло. Он всю жизнь относился к женщинам как к чему-то недосягаемому. Андерсен мог пробудить в женщине страсть, наговорив романтической чепухи, но когда дама наконец протягивала к нему руки, сказочник спешил скрыться бегством. История сохранила высказывание одной юной поклонницы Ганса-Христиана: «Он не был красивым мужчиной, но его обворожительная улыбка заставляла думать иначе». За свою долгую жизнь Андерсен много раз влюблялся, но всегда был несчастлив в любви.

Первая любовь – Риборг Войт. Он познакомился с ней летом 1830 года у школьного товарища. Она была на год моложе. Они гуляли по окрестностям Фоборга и влюбились друг в друга. Но вечерами он испытывал непонятный страх, оставаясь один в комнате и размышляя о будущем. Любовь! Он ждал ее, и она пришла, первое великое чувство поэта! Но брак означал, что он должен будет пойти на службу, чтобы содержать семью, а это было невозможно. Он уже понял, что для творчества необходима свобода.

В конце концов Риборг вышла замуж за друга своего детства. Опыт любви, страдания очень помогли Андерсену измениться, может быть, именно это горе сделало его гением. После смерти Андерсена у него была найдена кожаная сумочка, в которой он хранил письмо, полученное когда-то от Риборг Войт. Никто его не прочел, оно было сожжено – так хотел Андерсен.

Вторая любовь гения – Луиза Коллин, семнадцатилетняя дочь статского советника Коллина, благодетеля Андерсена. Но она уже была помолвлена… Луиза сказала, что дает старшей сестре читать его письма… В своей первой авторской сказке «Цветы для маленькой Иды», сочиненной в феврале или марте 1835 года, есть эпизод, когда кукла Софи отказалась танцевать с Курилкой, повернувшись к нему спиной. Он навеян отношениями сказочника с Луизой Коллин, когда она отказалась танцевать с ним. И в «Оле-Лукойе», написанной в январе-июне 1840 года, есть рассказ о двух мышках, которые собирались вступить в брак, – тоже отголосок любви к Л. Коллин.

Одно время его избранницей была шведская певица Йенни Линд. Стройная блондинка с прекрасной фигурой, серыми глазами. Ее называли «шведским соловьем». Но певица называла Андерсена то другом, то братом, все время давая понять, что он может рассчитывать только на дружбу. Андерсен безумно любил ее. Он сопровождал ее в гастрольных поездках в Лондон и Берлин. В Берлине в 1845 году он ждал от нее приглашения на Рождество, но так и не дождался. Она вышла замуж в 1852 году, и Андерсен лишился последней надежды. Позже ни в чем не повинную Йенни поклонники сказочника назвали Снежной королевой, чье жестокое сердце не смогла растопить даже любовь великого датчанина. Хотя меланхоличный характер Андерсена

мало кого вдохновлял на совместную жизнь… Влюбчивый писатель нашел себе другой объект обожания и с головой окунулся в очередную, увы, столь же бесплодную страсть.

Весенней ночью Андерсен ехал в Италию. В дилижансе находились несколько девушек. В темноте пассажиры даже не могли разглядеть друг друга как следует. Между ними завязался шутливый разговор. Андерсен фантазировал, как выглядят эти девушки в действительности. Он называл их сказочными принцессами, восхвалял их бездонные глаза, шелковистые косы и алые губы. Девушки смущенно смеялись, а одна из них попросила Андерсена, чтобы он описал им самого себя.

Андерсен знал, что некрасив. Маленькие глазки, огромный острый нос, высокий, худой, длинные руки с большими пальцами – таков его портрет. Но он изобразил себя стройным и обаятельным молодым человеком, с душой, трепещущей от ожидания любви… Так прошла ночь. А при первых лучах зари Андерсен был поражен красотой одной из попутчиц, которая представилась Еленой Гвиччиоли, жительницей Вероны. Весь день он думал о новой знакомой. Он знал, что эта внезапная любовь принесет ему только страдание.

Такие женщины, как Елена, и раньше увлекались Андерсеном. Но все они понимали, что с этим странным человеком ничего не получится. «Лучше выдумать любовь, чем испытать ее в действительности», – решил Андерсен. Поэтому он пришел к Елене с твердым решением увидеть ее и уйти, чтобы никогда больше не встречаться. Прямо с порога он заявил, что покидает Верону и пришел откланяться. Елена сказала, что успела соскучиться по таинственному попутчику, хотя они были едва знакомы. Андерсен побледнел. «Я узнала вас – вы Христиан Андерсен, знаменитый сказочник и поэт. Но, оказывается, в жизни вы боитесь сказок. У вас не хватает силы и смелости даже для короткой любви». – «Видимо, это судьба», – вздохнул Андерсен. «Ну что ж, мой милый бродячий поэт, – воскликнула Елена, – бегите! Спасайтесь! Но если вы будете страдать от старости, бедности или болезней, то вам стоит сказать только слово – и я приду». Андерсен бросился к ней, опустился на колени. Она протянула руки, взяла его голову, наклонилась и поцеловала в губы. «Идите! – тихо произнесла она. И пусть бог поэзии простит вас за все». Он встал, взял шляпу и быстро вышел. Больше они никогда не виделись, но часто друг друга вспоминали.

Ганс-Христиан Андерсен, добившись мировой славы при жизни, до конца своих дней оставался одиноким. Его любовные порывы и неудовлетворенность, как это ни странно, нашли свое отражение в творчестве. Если внимательно перечитать его книжки, то в сказках открывается второй смысл, причем довольно фривольный. Когда-то возмущение современников вызвали «Новый наряд короля» и «Огниво». Критики усматривали в них отсутствие морали и уважения к высокопоставленным особам. Обнажать короля и в таком виде выставлять напоказ до Андерсена еще никто не решался. В «Огниве» тоже разыгрывается довольно фривольная сцена: собака приносит спящую принцессу в каморку к солдату. Он целует ее, они вместе проводят ночь, а утром принцесса вспоминает об «удивительном сне»…

Эротический подтекст присутствует во многих сказках Андерсена. Снежная королева не только целует мальчика в губы, но и поселяет в своем ледяном дворце. Что касается героев «Дюймовочки», то иногда кажется, что они просто одержимы целью предаться страсти.

Последние годы жизни Андерсен почти не выходил из дома. Писатель хандрил и пребывал в глубокой депрессии. Он постоянно вел дневник, записывая туда все приступы боли и малейшие изменения в самочувствии. В 1872 году на свет появились две последние сказки – «Рассказ старого Йохана» и «Тетушка – зубная боль». Обе истории Андерсен посвятил самому себе. Он всерьез считал, что количество зубов во рту влияет на его творчество. Возможно, так оно и было.

В январе 1873 года Ганс-Христиан потерял последний зуб и тут же перестал сочинять. «Волшебные истории больше не приходят ко мне. Я остался совершенно один», – записал

Андерсен в дневнике. Умер он в полном одиночестве на своей вилле Ролигхед 4 августа 1875 года.

Если бы Андерсен увидел свои похороны, состоявшиеся 8 августа, он, вероятно, был бы доволен – так грустно шутили его друзья. Проститься с ним пришли бедняки и знать, студенты, иностранные послы, министры и сам король Дании. «Казалось, в тот день жителям Копенгагена нечего было делать, кроме как хоронить Ганса-Христиана Андерсена», – писал очевидец. В Дании был объявлен национальный траур. В газете напечатали стихотворение: «В могилу наш король сошел, и некому занять престол». Да, Андерсен стал королем сказки, но заплатил за это ценой личного счастья.

Еще при жизни довелось Андерсену увидеть свой собственный памятник и иллюминацию в Оденсе, предсказанную гадалкой в далеком 1819 году его матери. Он улыбался, глядя на себя скульптурного. Маленький оловянный солдатик, подаренный бедным мальчиком, и лепестки той розы, что протянула голубоглазая девчушка, когда он гулял по улице, были ему дороже всех наград и памятников. И солдатик и лепестки бережно хранились в шкатулке. Он часто перебирал их пальцами, вдыхал увядший, тонкий аромат и вспоминал слова поэта Ингемана, сказанные ему еще в юности: «Вы обладаете драгоценной способностью находить и видеть жемчуг в любой сточной канаве! Смотрите, не утратьте этой способности. В этом ваше предназначение, быть может».

Он не утратил. До конца. В ящике его письменного стола друзьями были найдены листки с текстом новой сказки, начатой за несколько дней до смерти и почти законченной. Перо его было столь же летучим и быстрым, как и фантазия!

БАЙРОН ДЖОРДЖ НОЭЛЬ ГОРДОН

(род. в 1788 г. – ум. в 1824 г.)

«Потускнеет все, что блещет, —
Чем блестящей, тем быстрей…»

Джордж Гордон Байрон

…У них был общий отец – капитан Джон Байрон, которого называли «бешеным Джеком». Мать Августы умерла рано, и девочка воспитывалась у бабки, леди Холдернесс, которая не хотела, чтобы внучка общалась с новой семьей своего отца. Поэтому Августа долго не знала, что у нее есть брат – «бэби Байрон», будущий великий поэт Англии.

Джон Байрон – пятый барон Байрон – действительно был бешеным: погрязший в долгах авантюрист, картежник, гуляка, падкий до женского пола. Его вторая жена, мать поэта Катарина Гордон, выходя замуж, считалась богатой невестой и завидной партией. Тем не менее, скоро семья Байрон оказалась буквально без средств к существованию. Сыну Катарины и Джона, Джорджу Ноэлю Гордону Байрону, было три года, когда отец, совершенно опустившийся, умер во Франции. Умер под вымышленным именем. Бешеному Джеку было тогда тридцать шесть лет – возраст, фатальный для Байронов.

Итак, Августа и ее родной по отцу брат Джордж долго ничего не знали друг о друге. Только после смерти леди Холдернесс они встретились – и сразу понравились друг другу. Хотя Джордж был моложе Августы на четыре года (ей было семнадцать), он чувствовал себя ее опекуном. В первом письме к ней, написанном на Пасху в 1804 году, он просил, чтобы она считала его не только братом, но и ближайшим другом: «Помни о том, дорогая сестра, что ты – самый близкий мне человек… на свете, не только благодаря узам крови, но и узам чувства».

Августа к тому времени была уже обручена со своим кузеном, Ежи Леем, драгунским полковником, которого очень любила. А Байрон томился первыми любовными переживаниями.

Сколько женщин прошло через его короткую, но бурную жизнь? Трудно сказать. Он посвящал свои стихи Лесбии и Каролине, Элизе и Анне, Марион и Мэри, Гарриет и Джесси… В этих посвящениях сквозит неизменная страсть и печаль. Счастье было таким близким, но любовь оказалась только сном.

Еще юношей он влюбился в Мэри Дефф, у которой – «очи газели», черные косы, ласковая улыбка и мелодичный голос. Вскоре он увлекся кузиной Маргаритой Паркер, пленившись «черными очами, длинными ресницами, греческим профилем, томной прозрачностью красоты, словно сотканной из сияния радуги». Другую его кузину звали Мэри Хэворт, и жила она недалеко от родового имения Байронов Ньюстед. Байрон страдал не только потому, что его чувство не было взаимным. Мэри, не желая того, однажды больно ранила его самолюбие.

Байрон с детства был хромым. Роковая оплошность акушера при родах привела к параличу сухожилия. Когда мальчик подрос, врачи назначили довольно болезненный курс лечения, которое не принесло никаких результатов, оставив лишь воспоминание о пытке ходить в специальном ботинке. Поэтому Байрон не терпел танцев, но обожал верховую езду, приносившую ему обманчивое ощущение полного здоровья. И вот однажды в доме Мэри Хэворт он случайно услышал, как его любимая говорила своей воспитательнице: «Ты думаешь, мне очень нужен этот хромой мальчик?!»

Байрона как громом поразило. Вскоре он написал Августе: «Любовь, по моему мнению, совершенный абсурд, это только жаргон комплиментов, сдобренных романтизмом и искусственностью… Если бы у меня было пятнадцать любовниц, я через неделю не помнил бы ни одной».

Мэри вышла замуж за другого. Катастрофа, которой закончилась первая любовь, родила, как утверждает писатель Андре Моруа, потребность в сентиментальных переживаниях, ставших для Байрона необходимостью. «В покое он не мог найти вкуса жизни. Чувствовал, что готов услышать голос каждой страсти, если бы только могла она вернуть ему неуловимое чувство собственного существования». Тем более, если за подобной страстью маячил страшный грех, грозящий осуждением, но соблазняющий бунтом против обязательных общественных и церковных догм!

С интимной стороной жизни Байрона познакомила Мей Грей, воспитательница в семье будущего лорда. Три года молодая шотландка учила мальчика искусству любви. Джордж также имел возможность наблюдать, как она занимается сексом с другими мужчинами.

В семнадцать лет Байрон поступил в Кембридж. В течение трех лет совмещал он не слишком напряженную учебу с бурной сексуальной жизнью, что едва не погубило его. Лишь постоянное употребление настойки опия поддерживало его силы.

В 1809 году он отправился в двухлетнее путешествие по Европе. Байрон побывал в Греции, Албании и в странах Малой Азии. В результате были опубликованы главы «Паломничества Чайлд-Гарольда».

До Августы дошли вести о брате, который, вернувшись из путешествия по Востоку, однажды утром проснулся знаменитым. Он стал королем лондонских салонов. Еще недавно неизвестный, никем не замечаемый, сегодня он везде принят, осыпан комплиментами, его внимания добиваются самые красивые женщины. Перед ним открылись двери дворцов, где все знали друг друга; и в этом мире шелков, перьев и драгоценностей, элегантности и изысканных манер он почувствовал себя еще более чужим и одиноким. Говорили, что он заносчивый гордец, холодный и замкнутый. Тем не менее, его повсюду приглашали: ведь он написал книгу, которой восхищался Лондон.

Грустный скептицизм автора «Паломничество Чайлд-Гарольда» нашел отклик в сердцах англичан, измученных долголетними войнами, бесконечной сменой правительств. Поэт показал в своей поэме Европу 1812 года, надежды, разбуженные Великой революцией, разбиты, никто уже не верит в звезду Наполеона.

Байрон происходил из знатного, но разорившегося рода. Его предки командовали военными кораблями викингов во времена Вильгельма Завоевателя в XI веке. Поэт был молод, известен как путешественник. Его серо-голубые глаза смотрели немного меланхолично из-под длинных ресниц. Кожа была прозрачно-бледной. Рот капризен, как у красивой женщины. Хромоты никто не замечал…

Итак, Байрон стал героем дня. Молодые женщины приходили в восторг от одной только мысли, что Байрон, может быть, поведет их к столу, и не осмеливались прикоснуться ни к одному блюду, зная, что поэт не выносит жующих женщин. Они лелеяли тайную надежду, что он напишет им несколько строк в альбом. На каждую сочиненную им строчку смотрели как на сокровище. Его постоянно донимали вопросами, сколько гречанок и турчанок умерли от любви к нему и скольких супругов он отправил на тот свет.

Туманные намеки в «Паломничестве Чайлд-Гарольда» послужили поводом для распространения многочисленных слухов, как будто Байрон в Ньюстеде содержит настоящий гарем, хотя в этом гареме была всего лишь одна одалиска. О его невероятных любовных приключениях ходили легенды.

Прочитав «Чайлд-Гарольда», леди Каролина Лэм, хозяйка одного из модных салонов Лондона, заявила: «Я должна его увидеть. Умираю от любопытства». Поэт был ей представлен. В тот же вечер она записала в дневнике: «Это прекрасное бледное лицо – моя судьба».

Однако стройная и слишком утонченная Каролина не соответствовала его вкусу. Скорее притягательная, блестящая и интеллигентная, чем красивая, она царила в обществе, а ее огненный темперамент стал темой пикантных сплетен, передаваемых шепотом. Леди Каро – так ее называли – отличалась упорством и не любила ни в чем себя ограничивать. Она хотела знать каждый шаг своего любовника. Стараясь угодить ему, организовывала приемы, писала письма и сама доставляла их Байрону на дом, переодевшись в костюм пажа или кучера. Однажды леди Каро даже пообещала, что продаст все свои драгоценности, если ему потребуются деньги. Случалось, она стояла под окнами дворца, где давали бал, куда ее не пригласили, и караулила Байрона, который как раз был приглашен. Каролина готова была на любое унижение ради поэта. Любовник же оставался надменным, холодным, суровым. Можно было подумать, что он ничего не замечает. Бедная леди Каро и не подозревала, как он посмеялся над ней, прислав прядь волос своего лакея на просьбу подарить свой локон.

Байрон быстро насытился этой шальной любовью. К тому же у него завязывался новый роман. Каролина потеряла самообладание и на балу у леди Хитеркот учинила скандал: разбитым стеклом (по другой версии – ножницами) порезала себе руки, заявив присутствующим, что ее покалечил Байрон. Наутро о происшествии заговорил весь Лондон. Это, однако, не помешало ей через некоторое время отправиться к нему в дом. Не застав поэта, она оставила записку. Байрон не вернулся к леди Каро, но написал эпиграмму, где спародировал записку. Чтобы отомстить, она написала роман «Гленарвон», герой которого, Байрон, наделен всеми мыслимыми и немыслимыми пороками. По настоянию родителей леди Каро уехала в Ирландию.

Им суждено было встретиться еще раз, спустя годы. Это случилось после тяжелой нервной болезни Каролины. Когда она стала приходить в себя, муж предложил прогуляться. Каролина ехала в коляске. Впереди верхом скакал муж, Вильям Лэм. По дороге им встретилась траурная процессия. На вопрос сэра Вильяма: «Кого хороните?» – сопровождающие ответили: «Лорда Байрона». Леди Каро не расслышала слов, а муж не рискнул их повторить. По другой версии, узнав, что хоронят Байрона, она потеряла сознание и выпала из коляски.

Новой любовницей Байрона после расставания с Каролиной стала леди Оксфорд. Но и ею он вскоре пренебрег. В последнюю минуту поэт отказался от совместного путешествия на Сицилию, потому что получил письмо от Августы, в котором та извещала о своем приезде. Они давно не виделись. Байрон знал о неудачном замужестве сестры из ее писем – сумбурных

и длинных. Ей было двадцать семь лет. Она остро ощущала одиночество. Опеку и помощь предлагал ей только младший брат, все более занимавший ее мысли.

Августа приехала в Лондон, и с первого взгляда Байрон пленился ею – это было словно колдовство. Прежде никто из женщин не нравился ему так, как Августа, хотя она была вовсе не красавицей. Только внимательно приглядевшись, можно было оценить совершенные черты ее лица. Брату же нравился в ней байроновский профиль и байроновская легкая картавость. В Августе поэт видел не сестру, а женщину, которой присуще подлинно байроновское очарование. Он, самолюбивый, самовлюбленный, разглядел в прекрасном облике сестры свой собственный портрет.

Но особенно связывало их духовное родство. Внешне замкнутые, оставаясь вдвоем, они отбрасывали всякую скованность – говорили обо всем и над всем смеялись. Августа, обладавшая удивительным чувством юмора, умело подражала другим, и вместе они с удовольствием играли «в кого-нибудь». Она не слишком разбиралась в поэзии, не была интеллектуалкой, говорила так, как писала – сумбурно и туманно, забывая обсуждаемую тему.

Байрон, однако, любил ее болтовню, нежно называл «»своей гусыней» и великолепно развлекался в ее обществе. Кто-то из его биографов заметил, что в любви искал он радостной дружбы, выхода своей умственной энергии и родственных чувств. Он скоро понял, что это возможно именно с Августой. Поэт не устоял перед страшным соблазном, поддался ему. Моруа утверждает, что Байрону всегда было достаточно только подумать об опасной страсти, чтобы она начала его преследовать. Так случилось и на этот раз.

Было лето. Лондон потихоньку разъезжался на каникулы. Августа, будучи фрейлиной королевы, жила в Сен-Джеймском дворце, что, кажется, льстило ее брату. Вместе они бывали на балах и приемах, вместе ходили в театры, все более сближаясь и сильнее очаровываясь друг другом. В доме Байрона на Беннет-стрит жила лишь старая экономка. Байрон мог свободно принимать Августу. Трудно придумать более подходящие условия для бурного романа.

Августа простилась с ним в начале сентября. Она возвращалась домой беременной. Молодая женщина, уже родившая троих детей и, несмотря ни на что, любившая своего мужа, хорошо понимала двусмысленность собственного положения. Теперь, размышляя о случившемся, она осознавала, что никогда не сумела бы отказать ни в одной просьбе «бэби Байрону», ни в одном его капризе. Брат же утверждал, что она отдалась ему скорее из сочувствия, чем из страсти.

После отъезда Августы ему было одиноко, хотя вскоре должен был наступить «светский сезон». Ничто не тянуло его на балы, на встречи или театральные премьеры. Он охотно воспользовался приглашением своего приятеля по Кембриджу, Джеймса Виддебурна Вебстера, и уехал в его имение Астон-Холл. И там за четыре ночи написал поэму «Невеста из Абидоса» о преступной любви сестры и брата.

Может показаться, что он не собирался хранить роман с Августой в тайне, в кругу приятелей Байрон делал весьма прозрачные намеки… Однако видимая беззаботность быстро уступила место раздирающему душу самоанализу, мучительным попыткам объяснить самому себе, что же произошло. Обвиняя и оправдывая себя одновременно, поэт чувствовал, что никогда не перестанет думать об этом.

В Астон-Холле он познакомился с женой Вебстера, леди Фрэнсис, хрупкой, похожей на нежный цветок женщиной, мягкой и прелестной. Леди Фрэнсис влюбилась в него, но дальше пожатия руки, тайных записок и украденных поцелуев дело не пошло.

Вернувшись в Лондон, Байрон отправил Августе свой портрет. Она же прислала ему прядь волос и написанную по-французски открытку. Первые недели 1814 года они провели вместе в Ньюстеде. «Мы никогда не ссоримся, – писал Байрон, – смеемся больше, чем подобает в такой уважаемой резиденции, а наша фамильная робость способствует тому, что мы чувствуем себя друг с другом лучше, чем кто-либо мог чувствовать в нашем обществе».

Они были очень счастливы. Это первое длительное пребывание под общей крышей позволило Августе разглядеть своего брата повнимательнее. Она поняла, что его необузданный темперамент – наследство их общего отца – может сделать совместную жизнь с ним невыносимой. И все же усиленно склоняла его к супружеству. Он отвечал ей: «Если найдется такая, которая будет достаточно богатой, чтобы мне соответствовать, и достаточно шальной, чтобы меня взять, – я покажу ей способ сделать меня таким несчастным, каким она только сможет. Магнит, который меня притягивает, – это деньги, а что касается женщин, то одна стоит другой. Чем они старше, тем лучше, ибо… скорее окажутся в раю…» Дни пребывания в Ньюстеде приближались к концу. Августа решила вернуться домой.

Тем временем по Лондону носились сплетни. Байрон, будто подтверждая их, часто заводил в салонах речь о кровосмесительной любви, декларировал «своеобразные» теории. Впрочем, и на политические темы он, принадлежавший к крайне левому крылу вигов, тоже высказывал весьма непопулярные мысли. Тем не менее, тридцать тысяч экземпляров «Корсара» были распроданы за один день. Несмотря на обвинения, бросаемые автору, все жаждали прочитать его новое произведение. Магия «Чайлд-Гарольда» все еще действовала.

В середине апреля 1814 года Августа родила дочь. Ее назвали Медора. Байрон, по-настоящему взволнованный, отказался от поездки в Париж, чтобы присутствовать при триумфальном вступлении легионеров, и остался с Августой и Медорой. Вместе они провели летние месяцы на море в Гастингсе.

Их отношения перестали быть тайной. Байрон никогда не хотел и не умел скрывать свои чувства, считая только себя справедливым их судьей. Атмосфера вокруг поэта сгущалась, и он наконец-то понял, что стоит перед выбором – либо уехать из страны, либо жениться и коренным образом изменить жизнь. Женитьба представлялась ему сумасшествием, но именно поэтому и подходила Байрону…

Его избранницей стала Анабелла Мильбанк, дочь богатого барона, пуританка, увлекающаяся математикой и метафизикой. Впервые он увидел ее в салоне леди Каро, тогда же объяснился ей в любви, но получил отказ. Теперь он решил снова просить ее руки. Байрон вовсе не был влюблен и после предложения, которое было принято, продолжал встречаться с Августой. Анабелле было двадцать два года. Джорджу, самому известному после Гете поэту Европы, – двадцать семь.

Можно было сразу предсказать, что это супружество завершится катастрофой – ни с какой точки зрения молодые не подходили друг другу. Их брак почти с первого дня действительно стал кошмаром. Продолжался он год и закончился расставанием и разделом имущества. Через несколько дней после рождения Августы-Ады – их дочери – леди Байрон по решительному настоянию своего мужа оставила их общий дом, чтобы никогда уже туда не вернуться.

Разрыв стал сенсацией. Запахло скандалом. Августа объясняла крах этого брака душевной болезнью своего брата, о чем, впрочем, заявляла и Анабелла. Врачи же дали заключение, подтверждающее полное психическое здоровье Байрона.

Леди Байрон не знала об отношениях, соединяющих брата и сестру. Только во время пребывания в Сикс-Майл-Боттоме у нее зародились недобрые подозрения. Позднее она призналась, что эта мысль сводила ее с ума. Брат и сестра разговаривали друг с другом так, как будто находились наедине. Медору Байрон открыто называл своей дочерью. Правда, это можно было еще как-то объяснить: «Медора была его крестницей. Вечерами Байрон отправлял Анабеллу спать, а сам оставался с сестрой. Однажды они вместе перечитывали его письма, где он распространялся о своем абсолютном безразличии к Анабелле. «Я была близка к сумасшествию, – признавалась Анабелла, – но, чтобы не допустить даже мысли о мести, высекала из себя другое чувство – романтического прощения».

Вернувшись в Лондон, Байрон обзавелся экипажами, прислугой, принимал многочисленных гостей. Приданое жены в десять тысяч фунтов быстро улетучилось, вскоре та же

участь постигла и восемь тысяч его наследства. Ему даже пришлось продать свои книги. Восемь раз описывали его имущество, причем описали даже кровать молодоженов. Все это не могло понравиться Анабелле, привыкшей с детства к комфорту. Начались ссоры, выводившие вспыльчивого Байрона из себя. Однажды он бросил в камин часы, а затем разбил их щипцами. К тому же молодой жене не давала покоя неверность Байрона. Его выбрали в дирекционный комитет одного из театров, и его постоянные интрижки с актрисами, певичками и танцовщицами стали новым источником семейных раздоров.

Положение становилось все труднее. В палате лордов его старательно избегали, на улице оскорбляли. Байрон понял, что для него в этой стране места нет. И стал готовиться к отъезду. Прежде всего, надо было урегулировать формальности, связанные с супружеством, на чем очень настаивал отец Анабеллы. Затем – прощание с Августой.

Они встретились в последний раз ровно год спустя после рождения Медоры: в середине апреля 1816 года, в Пасхальное воскресенье. Уж не было тех веселых, беззаботных часов, когда они столько смеялись и никогда друг другу не перечили. Над ними тяготела печаль расставания, неясное предчувствие, что разлука эта – навсегда. Провели грустный вечер, и Августа впервые плакала, говоря, что ее мучают угрызения совести.

После ее ухода Байрон засел за письма. Он писал Анабелле: «Я уезжаю, уезжаю далеко, и мы с тобой уже не встретимся ни на этом, ни на том свете… Если со мной что-то случится, будь добра к Августе, а если и она к тому времени станет прахом, то к ее детям».

Он отправил письмо своему юридическому поверенному Джону Хансону и попросил, чтобы тот время от времени посылал ему сведения о дочери Августы. Писал Байрон Августе и во время своего путешествия по Швейцарии. В Италии переписка прервалась, но потом возобновилась, когда Байрон написал ей: «Дорогая моя… Говорят, расставание убивает слабые чувства и укрепляет сильные. К сожалению, мои чувства к тебе – это соединение всех чувств и всех страстей!»

В Венеции Байрон поселился возле площади Святого Марка. Его очередной любовницей стала Марианна Сегати, жена владельца дома. Почти одновременно он завел еще одну любовницу – Маргариту Кони, жену булочника. В 1818 году поэт переехал во дворец Мосениго, хозяйка его также стала любовницей поэта. Но Маргарита быстро надоела Байрону, и он попросил ее вернуться к супругу. В ответ же получил удар ножом. К счастью, итальянка только легко ранила его в руку. Почти половина заработанных им денег уходила на случайных женщин, счет которым он давно потерял.

Летом 1819 года в Венеции он познакомился с графиней Терезой Гвиччиоли, молоденькой «тициановской блондинкой с прекрасными зубами, густыми локонами и чудесной фигурой», чем-то напоминавшей ему сестру. Ослепительная красавица с длинными золотистыми волосами, ниспадавшими сверкающим водопадом на плечи, – весь ее облик был окутан романтической тайной. «Его удивительные и благородные черты, звуки его голоса и неописуемое очарование, исходившее от него, – писала в своих воспоминаниях графиня Гвиччиоли, – делали его созданием, оставлявшим в тени всех людей, которых я встречала до сих пор». «Ее разговор, – замечал Байрон в одном из писем, – остроумен, не будучи легкомысленным. Не претендуя на ученость, она прочитала лучших писателей Италии. Она часто скрывает то, что знает, только из страха, как бы не подумали, что она хочет похвастаться образованностью. Ей, наверное, известно, что я не выношу ученых женщин. Если у нее синие чулки, то она заботится все-таки о том, чтобы их закрывало платье».

Замужество графини не стало препятствием для любовных свиданий, поскольку 60-летний муж красавицы предоставил ей полную свободу. Гвиччиоли поселилась на вилле своего возлюбленного, безнадежно скомпрометировав себя в глазах высшего света, в особенности своих земляков. Мораль итальянцев допускала тогда присутствие «друга», более того, именно он считался настоящим супругом, правда, при соблюдении всех условностей. Гвич-

чиоли набросила на свои отношения с поэтом романтический флер, желая возродить в Байроне веру в истинную любовь.

Байрон небрежно отзывался о женщинах: «Дайте женщине зеркало и сладости, и она довольна. Я страдал от второй половины человеческого рода, сколько помню себя. Самые мудрые не вступают с ними ни в какие отношения. Рыцарское служение женщине, может быть, такое же жалкое рабство или даже еще более жалкое, чем всякое другое».

Однако к графине Гвиччиоли он питал нежную страсть и относился к ней с большим уважением. Некоторые из созданных им прекрасных женских образов (например Ада из «Каина» или Мира из «Сарданапала») навеяны образом очаровательной графини.

Ради Байрона Тереза развелась с мужем, который совершил два убийства, зато был фантастически богат. Поэт считал графиню последней своей любовью, серьезно подумывал о женитьбе на ней. Теперь Байрон, опасаясь мести графа Гвиччиоли, всегда носил при себе пистолет. Неизвестно, чем бы завершилась эта любовная история, но вскоре графиню выслали из Италии за принадлежность к обществу карбонариев, и она вынуждена была удалиться в монастырь.

В 1823 году Байрон отправился в Грецию, где шла борьба за свободу, мечтая о подвиге, который оставил бы след в мире после его смерти (он не считал свои поэмы чем-то значительным). Там он и умер от лихорадки. Когда провели вскрытие и исследовали мозг, врачи заявили, что это мозг 80-летнего старца. Поэт был обречен.

В доме поэта в Миссалунге на его бюро нашли незаконченное письмо к Августе, начинавшееся, как всегда, словами «Моя самая дорогая Августа». В завещании Байрон оставил ей все свое состояние – сто тысяч фунтов стерлингов, сумму по тем временам колоссальную. Через два года у Августы не осталось ни гроша. Она выплатила долги кредиторам, раздала карточные долги мужа и сыновей, заплатила «отступные» шантажистам, грозившим опубликовать дневник леди Каро, якобы содержавший признание Байрона в кровосмесительной связи.

Анабелла, послушная просьбе Байрона, пыталась помогать Августе, но, в конце концов, потеряла терпение. Состоялось скандальное объяснение, и дамы перестали общаться. Через какое-то время до Анабеллы дошли слухи о смертельной болезни Августы. Та просила кого-нибудь посидеть рядом, почитать письма любимого брата, которых осталось совсем мало. Письма Байрона она продавала…

БЕТХОВЕН ЛЮДВИГ ВАН

(род. в 1770 г. – ум. в 1827 г.)

Людвиг ван Бетховен родился 16 декабря 1770 года в Бонне. Полагают, что частица «ван» может указывать либо на наличие фламандцев в роду, либо на стремление создать впечатление об аристократическом германском происхождении.

Дед композитора по отцу, тоже Людвиг, родом из Малина (Фландрия), человек музыкально одаренный, служил певчим в Генте и Лувене ив 1733 г. перебрался в Бонн, где стал придворным капельмейстером в капелле курфюрста-архиепископа Кельнского. Деда Бетховен почитал идеалом и портрет его всегда носил при себе. К несчастью, жена деда оказалась алкоголичкой, этот порок передался по наследству их единственному сыну Иоганну (остальные дети умерли в младенчестве), который служил тенором в придворной капелле.

От брака с Марией Магдаленой Лайм, дочерью повара, у Иоганна родилось семеро детей, из которых четверо умерли в младенчестве. Людвиг выжил. Иоганн был пьяницей, вообще довольно никчемным человеком. Ходили слухи, что он подхватил сифилис, которым наградил своих потомков. Так ли это, достоверно не известно; во всяком случае, при жизни у Людвига ван Бетховена никаких признаков наследственного сифилиса обнаружено не было, да и посмертное исследование его черепа также не дает оснований для подобного заключения.

Людвиг был привязан к матери, но тяжелая семейная рутина не оставляла ни времени, ни сил для ее общения с сыном. В школе Бетховен, одетый всегда небрежно и всклокоченный, учился весьма посредственно, избегал общества сверстников, сторонился соучеников. Людвиг чувствовал себя уверенно и спокойно только тогда, когда гулял за городом или занимался музыкой.

У него рано проявились незаурядные музыкальные способности, поэтому отец начал учить его музыке, заставляя часами просиживать у клавесина. Беда в том, что музыкальный дар сына подчеркивал посредственность отца, который, понимая это, нередко поколачивал сына и пренебрежительно отзывался о его ранних сочинениях.

К счастью для маленького Людвига, его музыкальным образованием занялся придворный органист. В 1778 г. состоялось первое публичное выступление Бетховена, о более ранних его концертах ничего не известно. К 12 годам Бетховен свободно играл с листа; ему были «подвластны» клавесин, скрипка, орган и другие музыкальные инструменты. Но слишком короткое детство – с 13 лет Бетховен стал кормильцем семьи – наложило отпечаток на характер композитора. Он отличался замкнутостью, стремлением к уединению и страстной любовью к природе.

В 11-летнем возрасте Бетховен оставил школу, однако незаурядные музыкальные способности позволили ему сблизиться с образованнейшими людьми, которые привили композитору любовь к классической культуре, литературе и философии. С одним из них, студентом-медиком Францом Ветел ером, впоследствии деканом медицинского факультета, Бетховен поддерживал дружеские отношения до конца своей жизни. Лишь из переписки мы узнаем о состоянии здоровья композитора.

Переломный момент в жизни Бетховена – появление Нёфе, нового наставника, который не просто упорядочил музыкальные фантазии юного композитора, но дисциплинировал самого ученика. Нёфе заставил его самостоятельно оценивать различные явления музыкальной жизни, пробудил интерес к проблемам современной культуры, этики, эстетики. По требованию наставника Бетховен изучает древние языки, философию, литературу, историю, стремясь проникнуть в сокровищницу человеческой мысли. Постепенно формировалось мировоззрение юного музыканта, его отношение к миру, к человеку, к самому себе. Бетховен отдавал симпатии сильным, целеустремленным людям, способным выдержать любое испытание, тем, кто не страшится жизненных бурь. В 1782 г. прозвучали первые произведения Бетховена-композитора.

В 1787 г. Бетховен, с трудом преодолевая затруднения, в первую очередь финансовые, едет в Вену, чтобы увидеться с Моцартом и выслушать его мнение о своем творчестве. Кроме того, он лелеял тайную мысль – «напроситься» в ученики к великому композитору. Но эта встреча не стала судьбоносной в жизни Людвига ван Бетховена. Хотя Моцарт высоко оценил его импровизации и предсказал ему великое будущее, из-за болезни горячо любимой матери Бетховен вынужден был незамедлительно покинуть Вену и вернуться в Бонн. Вскоре его мать – самый светлый человек, скрасивший его тяжелое детство, – умирает от туберкулеза. За смертью ее последовал длительный период тяжелейшей депрессии, которая чуть было не закончилась самоубийством.

Однако черный период миновал, и в восемнадцать лет Людвиг ван Бетховен стал главой семьи. Не только смерть матери, но и тот факт, что отец его превратился в законченного алкоголика, заставляют его задуматься о будущем семьи. В 19 лет Бетховен начинает работать придворным музыкантом, чтобы прокормить семью.

Одаренность юноши, его пылкая и восприимчивая натура привлекли внимание просвещенных боннских семейств, а блестящие фортепианные импровизации обеспечили ему свободный вход в любые музыкальные собрания. Особенно много сделало для него семейство Бройнинг, взявшее под свою опеку неуклюжего, но оригинального молодого музыканта.

Но зарабатывание денег не отвлекало его от главной страсти – музыки и сочинительства. Людвиг ван Бетховен написал около 50 произведений. Среди них небольшие фортепианные пьесы, три фортепианных сонаты, три фортепианных квартета и несколько произведений для ансамбля, две песни, две кантаты, короткий балет.

В 1789 г. в городе открывается музей, библиотека, национальный театр, которые, несмотря на стесненное материальное положение, Бетховен посещал. С самого начала своей профессиональной жизни он живет в атмосфере искусства. Людвиг все еще в поисках своего собственного музыкального пути. В так называемый Боннский период Бетховен особо тяготеет к инструментальной музыке. Бетховен-композитор искал новые формы, в которые хотел

воплотить проблемы своего неспокойного времени. Он мечтал, чтобы музыка его жила в будущем.

Бетховен готов продолжить свое профессиональное образование, и в 1792 г. при поддержке графа Ф. Е. Г. Вальдштейна, своего восторженного почитателя, сумевшего переубедить эрцгерцога отпустить юного композитора, он вновь едет в Вену. Люди, встречавшиеся с молодым Бетховеном, описывают двадцатилетнего композитора как коренастого молодого человека, склонного к щегольству, порой дерзкого, но добродушного и милого в отношениях с друзьями.

Понимая недостаточность своего образования, он отправился к Йозефу Гайдну, признанному венскому авторитету в области инструментальной музыки (Моцарт умер годом ранее). Бетховен приносит ему для проверки свои этюды и упражнения. Гайдн по достоинству оценил масштабы бетховенского таланта, а услышав произведения молодого композитора, согласился взять Людвига в ученики. Но, как ни грустно, между ними так и не возникло подлинного творческого взаимопонимания.

Бетховен прибыл в Вену в ноябре, а через месяц получил сообщение о смерти отца. Теперь он не покинул «свой ученический пост», как в случае с Моцартом. Отец не был для него тем человеком, ради которого юный Людвиг захотел бы рискнуть своим будущим. Кроме того, только профессиональный рост и удачная карьера, которые напрямую зависели от пребывания в Вене, могли обеспечить более или менее сносное будущее его семьи.

В Вену Бетховен прибыл практически «готовым» композитором и пианистом. Возможность публиковать и продавать свои произведения, концерты и наличие учеников позволили Бетховену заниматься творчеством, не поступая на службу (в 1796 г. он уже концертировал в Праге).

Среди виртуозов Вены Бетховен занял одно из первых мест. Манера его исполнения, по существу, была совершенно необычной и новой. Отбросив изящную, изысканно грациозную «моцартовскую» манеру игры, Бетховен создал свой стиль, рассчитанный не на камерный зал, а на огромные залы с массой слушателей. Первые несколько лет в Вене были, по его признанию, лучшими годами жизни.

Следующим учителем Людвига стал И. Г. Альбрехтсбергер, под руководством которого Бетховен проходил около полутора лет курс контрапункта. Но и на этот раз несхожесть характера и мышления стала непреодолимым препятствиям к творческому содружеству.

Более успешными, хотя и нерегулярными, были уроки по усовершенствованию вокального письма с оперным композитором Антонио Сальери. В этот период Бетховен пишет оперу «Фиделио», симфонии, сонаты и другие произведения. Тогда же он вошел в кружок, объединявший аристократов-любителей и профессиональных музыкантов. Князь Карл Лихновский ввел молодого провинциала в круг своих друзей.

Ответ на вопрос, насколько среда и дух времени повлияли на творчество Бетховена, неоднозначен. Композитор читал произведения Ф. Г. Клопштока, одного из предшественников движения «Бури и натиска». Он был знаком с Гете, глубоко почитал поэта и мыслителя. Политическая и общественная жизнь Европы того времени была тревожной: когда Бетховен прибыл в 1792 г. в Вену, город был взбудоражен вестями о революции во Франции. Людвиг восторженно приветствовал революционные лозунги и воспевал свободу в своих произведениях. Вулканическая, взрывчатая природа его творчества несомненно явилась воплощением духа времени, но только потому, что характер творца был в какой-то мере сформирован этим временем. Смелое нарушение общепринятых норм, мощная энергетика, грозовая атмосфера бетховенской музыки – все это немыслимо в эпоху Моцарта.

В 1792 году музыкант заболел бронхитом, обострения которого отмечались затем в течение всей его жизни. В своих письмах Бетховен жалуется на боли в животе («колики») и поносы, от которых он страдал. Д-р Андреас Игнац Вавруч, который впоследствии обобщил данные о

болезни Бетховена, отмечал, что в этот период он начал употреблять алкоголь, объясняя это необходимостью улучшить аппетит и состояние кишечника.

С 1795 по 1802 год (конец Венского периода в творчестве композитора) отмечается стремительный взлет бетховенского гения: им создана 3-я Героическая симфония. «Мое искусство, – писал Бетховен, – должно посвятить только благу бедных. О, блаженная минута! Как счастлив буду я, когда смогу тебя приблизить!»

Эта симфония втрое длиннее, чем любые другие, написанные ранее. Часто утверждают (и не без оснований), что сначала Бетховен посвятил Героическую Наполеону, но, узнав, что тот провозгласил себя императором, снял посвящение. «Теперь он будет попирать права человека и удовлетворять только собственное честолюбие» – таковы были, по рассказам, слова Бетховена, когда он разорвал титульную страницу партитуры с посвящением. В конце концов Героическая симфония была посвящена одному из меценатов – князю Лобковицу.

В эти же годы Бетховена поражает глухота (сначала он оглох на левое ухо), сопровождавшаяся непрекращающимся звоном в ушах. Он скрывал это в течение трех лет – до 1812 года. Даже часто встречавшиеся с ним люди не подозревали, насколько серьезна его болезнь. То, что в беседе он часто отвечал невпопад, приписывали плохому настроению или рассеянности. Позже, в 1814 г. в возрасте 44 лет, Бетховен полностью оглох.

Глухота наложила отпечаток на все творчество композитора. С 1800 по 1815 год, когда глухота уже прогрессировала, он пишет знаменитую Лунную сонату, Третью, Четвертую и Пятую симфонии. Будучи полностью глухим, тяжело больным, с расстроенной психикой, создает потрясающую Девятую симфонию и Messa Solemnis – Торжественную Мессу, которая первоначально предназначалась для службы в честь возведения эрцгерцога в сан архиепископа Ольмюцкого, но не была закончена в срок.

Глухота и связанные с нею нервно-психические нарушения увеличили пристрастие композитора к алкоголю. При этом значение приобретает не только количество потребляемого алкоголя, но и его качество. Бетховен предпочитал дешевые венгерские вина, в которые нередко добавляли фальсифицирующие добавки. Злоупотребление алкоголем снизило сопротивляемость инфекции: бронхит приобрел характер хронического, начали возникать абсцессы на пальце руки, нижней челюсти, ноги покрылись гнойниками, возобновились приступы лихорадки.

Злоупотребление алкоголем ухудшало ситуацию с кишечником: его продолжали беспокоить «колики» и постоянные поносы. Это вызывало страх перед едой, Бетховен ел очень мало и нерегулярно, что также неблагоприятно отразилось на здоровье.

Однако есть данные, позволяющие опровергнуть мнение о том, будто Бетховен злоупотреблял алкоголем. Исследователи его жизни утверждают, что в значительной степени заключение об алкоголизме Бетховена основано на воспоминаниях Шиндлера, который, как считается, был необъективен, – он ревниво отнесся к тому, что примерно в 1825 году Бетховен отстранил его от себя и стал дружен с Гольцем. Ссылаются на сказанное Гольцем, что если Бетховен и пьет, то никогда допьяна. Он также говорил, что при сочинении музыки Бетховен никогда не пьет, частенько даже не ест. В наиболее объективной и полной биографии, написанной Ерфукбом, также отмечается, что Бетховен любил выпить, но не больше, чем остальные люди.

В 1801 г. трагедия музыканта (глухота) обострилась трагедией личной: Бетховен полюбил молодую аристократку – графиню Джульетту Гвиччарди (именно ей посвящена Лунная соната). Он решился сделать ей предложение, но вовремя понял, что глухой музыкант – неподходящая пара для кокетливой светской красавицы. Другие знакомые дамы отвергли его; одна из них даже назвала его «уродом» и «полусумасшедшим».

Иначе обстояло дело с семейством Брунсвик, в котором Бетховен давал уроки музыки двум старшим сестрам – Терезе (Тези) и Жозефине (Пепи). Уже давно отброшено предположе-

ние, что адресатом послания «К бессмертной возлюбленной», найденного в бумагах Бетховена после его смерти, была Тереза, но современные исследователи не исключают, что этим адресатом является Жозефина. В любом случае идиллическая Четвертая симфония своим появлением обязана пребыванию Бетховена в венгерском имении Брунсвиков летом 1806 года.

Трагедия в личной жизни, ухудшение здоровья привели его к мысли о самоубийстве. Но Бетховен выстоял и, дабы меньше страдать понапрасну, переехал в Хейлингенштадт – во всяком случае, там он рассчитывал поправить свое здоровье. Однако курс лечения не оправдал его надежд. Душевно травмированный композитор запил, он конфликтует с врачами, опускается физически. В 1802 году его депрессия заходит так далеко, что он составляет так называемое «Хейлингенштадтское завещание» – мучительную исповедь терзаемого тяжким недугом музыканта. Завещание адресовано братьям Бетховена (с указанием прочесть и исполнить все указания после его смерти). В нем он пишет о своих душевных страданиях: мучительно, когда «человек, стоящий рядом со мной, слышит доносящийся издали наигрыш флейты, не слышный для меня; или когда кто-нибудь слышит пение пастуха, а я не могу различить ни звука». Но тогда же, в письме к доктору Вегелеру, он восклицает: «Я возьму судьбу за глотку!» – и музыка, которую он продолжает писать, подтверждает эти слова.

Чтобы как-то преодолеть душевный кризис, Людвиг «пускается во все тяжкие» – пытается с помощью чувственных утех преодолеть пустоту, что воцарилась в его душе. Некоторые исследователи считают, что неразборчивые связи, в основном с представительницами «первой древнейшей профессии», могли стать причиной заражения Бетховена сифилисом, который в то время был широко распространен. В качестве доказательства приводятся как частые приступы лихорадки неизвестного происхождения, так и то, что композитор регулярно принимал содержащие ртуть препараты.

Но соединения ртути были в то время чем-то вроде панацеи – их назначали широко, и не только при сифилисе. В обширной переписке с д-ром Вегелером упоминания о каких-либо венерических заболеваниях не найдено. Кроме того, в семье Бетховена никаких признаков врожденного или приобретенного сифилиса не наблюдалось, и при жизни такой диагноз композитору никогда не ставился.

Спасением свыше можно считать тот факт, что именно в этот трудный для Бетховена период три вельможи назначают ему пенсион (1809 г.). Именно в эти годы к Бетховену приходит успех, которого он уже не ждал. Издатели охотились за его партитурами и заказывали сочинения. По предложению Мельцеля (механика-изобретателя) Бетховен пишет «Битву при Виттории» (1810 г., для симфонического оркестра). В это же время была создана и исполнена Седьмая симфония. А весной 1814 года поставлена опера «Фиделио».

Его заботливые друзья, особенно глубоко преданный Бетховену А. Шиндлер, наблюдая беспорядочный и губительный образ жизни музыканта, слыша его жалобы на то, что его «обобрали» (Бетховен стал беспричинно подозрительным и был готов обвинить в худшем почти всех из своего окружения), не могли понять, куда он девает деньги. Они не знали, что композитор откладывает их, но делает это не из скупости.

Когда в 1815 году умер его брат Каспар, композитор стал опекуном своего десятилетнего племянника Карла. Любовь Бетховена к мальчику, стремление обеспечить его будущее вступили в противоречие с недоверием, которое композитор испытывал к матери Карла (именно ей некоторые исследователи приписывают «факт» отравления композитора). В результате он постоянно ссорился с обоими, и эта ситуация окрасила в трагические тона последний период его жизни.

С осени 1816 года Бетховена снова беспокоили «ревматические» боли. В конце 1817 года слух полностью пропал, но и раздражающий звон в ушах прекратился. В феврале того же года Бетховен для общения с окружающими был вынужден завести особые «разговорные

книги». Окончательная потеря слуха так деморализовала Бетховена, что он впал в депрессию и до конца жизни оставался опять угрюмым мизантропом.

В 1821 году он заболел желтухой, но, несмотря на предостережения врачей, Бетховен пить не бросил, и желтуха проявилась повторно. В последние пять лет развился цирроз печени, в брюшной полости скопилась жидкость, появился асцит. Тяжелое поражение печени привело к понижению свертываемости крови и в связи с этим – к кровотечениям из носа, точечным кровоизлияниям на коже и кровохарканию.

В 1823 и 1824 годах у Бетховена появлялись резкие боли в глазах и светобоязнь, из-за чего он был вынужден накладывать на глаза повязку и находиться в затемненной комнате.

7 мая 1824 года состоялось последнее появление Бетховена на публике. Поводом послужило первое исполнение Девятой симфонии с хором в финале на текст оды Шиллера «К радости» (An die Freude). Грандиозная по масштабам, необычная по форме и стилю – многие современники посчитали ее произведением сумасшедшего. Но венские слушатели признавали благородство и величие бетховенской музыки, они осознали, что слушают в тот вечер поистине гениальную симфонию. Зал был покорен мощной кульминацией симфонии, публика неистовствовала, но Бетховен так и не обернулся. К сожалению, он уже не слышал бурных оваций; только когда подбежавшая певица Унгер повернула его лицом к публике, Бетховен убедился, что восторг охватил слушателей.

Но даже признание уже не могло предотвратить приближение конца. Понадобился лишь небольшой толчок, чтобы окончательно свалить истерзанного бесконечными физическими и душевными муками человека. Таким толчком стала поездка Бетховена к брату Иоганну. Целью путешествия было желание Бетховена уговорить бездетного дядю составить завещание в пользу его племянника Карла. Не добившись результата, оскорбленный и возмущенный Бетховен спешно покинул дом Иоганна.

Возвращаться пришлось в холодную дождливую погоду, ночевать – в нетопленной комнате постоялого двора. Ночью Бетховен трясся от сильного озноба. Высокая температура, одышка, боли в правом боку, кашель, мокрота с примесью крови – типичная картина воспаления легких.

Через 7 дней «кризис» миновал, состояние Бетховена улучшилось, но его мучили рвота и понос, появилась желтуха, развился асцит. Врачи прокалывали ему живот и выкачивали до 20 литров жидкости в день. В то время лекари не были осведомлены об инфекции и необходимости стерилизации инструментов, поэтому инфицирование было неминуемо, возникло тяжелое воспаление полости живота, вероятно, перитонит. К счастью, все обошлось, но жидкость в животе продолжала накапливаться. Бетховен слабел, состояние его ухудшалось, нарастали явления почечно-печеночной недостаточности. Композитор впал в кому.

26 марта 1827 года весь день погода была ужасной, шел снег, слышались раскаты грома. В 6 часов вечера раздался страшный грохот, ярко вспыхнула молния. Находящийся в бессознательном состоянии глухой Бетховен будто услышал этот грохот: он привстал на постели, а потом упал и умер.

За всю свою жизнь (Людвиг ван Бетховен скончался в возрасте 57 лет) он написал 9 симфоний, 5 фортепьянных концертов и один скрипичный, 17 струнных квартетов, одну оперу и 32 фортепьянные сонаты.

БОРХЕС ХОРХЕ ЛУИС

(род. в 1899 г. – ум. в 1986 г.)

В парадном литературном колумбарии XX века аргентинскому писателю Хорхе Луису Борхесу отведена престижная ячейка с надписью «интеллектуальная литература».

Страна, где он родился, – знойная родина танго, а проза его – холодная и одинокая (наедине с бесконечными книжными полками) игра ума, которой свойственны безэмоциональность, доходящая до бесчувственности, дегуманизация, основанная на подмене чувства любви к человеку любовью к книгам, и утверждение чувства ирреальности. И все это символизируют не Джеймс Джойс, не Гертруда Стайн, не Герман Гессе, а именно Борхес.

Популярность, пришедшая к писателю очень поздно, в 1950-е годы, означала, что он вдруг стал востребован читателями, пережившими две мировые войны XX века, напуганными ужасом реальности и разочаровавшимися в ней.

Борхес известен прежде всего своими короткими прозаическими фантазиями, которые маскируют рассуждения о серьезных научных проблемах, принимая форму приключенческих либо детективных историй…

В зимний день 24 августа 1899 года в Буэнос-Айресе в семье юриста Хорхе Гильермо Борхеса и Леонор Асеведо де Борхес, живших на улице Тукуман между улицами Суипача и Эсмеральда, в доме, который принадлежал родителям Леонор, родился ребенок, названный Хорхе Луисом. Почти все детство ребенок провел в домашней обстановке.

Его отец был философом-агностиком, связанным по материнской линии с родом Хэзлем из графства Стаффордшир (Англия). Он собрал огромную библиотеку англоязычной литературы, издал роман и написал еще три книги, которые потом уничтожил. Фанни Хэзлем, бабушка Хорхе Луиса, учила детей и внуков английскому. Этим языком Борхес владел великолепно: в 8 лет он перевел сказку Уайльда – да так, что ее напечатали в журнале «Сюр». Позже Борхес переводил Вирджинию Вулф, отрывки из Фолкнера, рассказы Киплинга, главы из «Поминок по Финнегану» Джойса. Наверное, от англичан у него любовь к парадоксам, эссе-

истическая легкость и сюжетная занимательность. Многие литераторы утверждали, что Борхес – типично английский писатель, пишущий по-испански.

«С самого моего детства, когда отца поразила слепота, у нас в семье молча подразумевалось, что мне надлежит осуществить в литературе то, чего обстоятельства не дали свершить моему отцу. Это считалось само собой разумеющимся (а подобное убеждение намного сильнее, чем просто высказанные пожелания). Ожидалось, что я буду писателем. Начал я писать в шесть или семь лет».

В 1914 году семья переехала в Европу. Хорхе Луис начал посещать Женевский коллеж. В 1919 году семья переехала в Испанию. 31 декабря в журнале «Греция» появилось первое стихотворение Хорхе Луиса, в котором автор «изо всех сил старался быть Уолтом Уитменом». Вскоре он входит в группу «ультраистов», о которой в официальном литературоведении утвердилось мнение, что она выражала «анархический бунт мелкобуржуазной интеллигенции против мещанской пошлости и буржуазной ограниченности».

Сам Борхес ничего вразумительного о своем «ультраизме» не написал. В общем, это было похоже на молодого Маяковского: «Колода перекраивала жизнь. Цветные талисманы из картона стирали повседневную судьбу, и новый улыбающийся мир преображал похищенное время…»

В Буэнос-Айрес он вернулся в 1921 году уже признанным поэтом. К 1930 году опубликовал семь книг, основал три журнала и сотрудничал еще в двенадцати, а в конце двадцатых начал писать рассказы. «Период с 1921 до 1930 года был у меня насыщен бурной деятельностью, но, пожалуй, по сути безрассудной и даже бесцельной», – напишет он позже.

В 1937 году Борхес впервые поступил на службу в библиотеку, где и провел «девять глубоко несчастливых лет». Работы было мало, денег платили тоже мало. Загруженность приходилось имитировать. «Всю свою библиотечную работу я выполнял в первый же час, а затем тихонько уходил в подвальное книгохранилище и оставшиеся пять часов читал или писал… Сотрудники-мужчины интересовались только конскими скачками, футбольными матчами да сальными историями. Одна из читательниц была изнасилована, когда шла в женскую комнату. Все говорили, что это не могло не случиться, раз женская комната находится рядом с мужской».

Здесь он, ведя тихую жизнь книжного червя, написал целую серию шедевров: «Пьера Менара», «Тлен, Укбар, Орбис Терциус», «Лотерею в Вавилоне», «Вавилонскую библиотеку», «Сад расходящихся тропок». Сочинение «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”» сам Борхес определил как нечто среднее между эссе и «настоящим рассказом». Однако концепции классического Борхеса проявились здесь во всей полноте. Вымышленный писатель Пьер Менар, тем не менее описанный как вполне реальный, пытается сочинить «Дон Кихота». «Не второго «Дон Кихота» хотел он сочинить – это было бы нетрудно, – но именно «Дон Кихота». Излишне говорить, что он отнюдь не имел в виду механическое копирование, не намеревался переписывать роман. Его дерзновенный замысел состоял в том, чтобы создать несколько страниц, которые бы совпадали – слово в слово и строка в строку – с написанными Мигелем де Сервантесом». Метод был таким: «Хорошо изучить испанский, возродить в себе католическую веру, сражаться с маврами или турками, забыть историю Европы между 1602 и 1918 годами…»

Впрочем, этот метод был отвергнут как слишком легкий. Надо было остаться Пьером Менаром и все же прийти к «Дон Кихоту». Далее выясняется, что Менар к «Дон Кихоту» все-таки пришел, т. е. тексты совпадают дословно, хотя смысл, который они выражают, как утверждает Борхес, совершенно различен. Вокруг этого парадокса построено все повествование. Для Борхеса это была игра ума, некая забава.

Но именно из этого текста, сочиненного в подвале библиотеки в 1938 году, выросло впоследствии целое литературное направление. Рассказ «Пьер Менар» пригодился спустя 30–40 лет после создания, когда слава Борхеса докатилась даже до США. Речь идет о постмодернизме, предсказанном Борхесом, смоделированном им в этом рассказе.

В постмодернистском контексте рассказ посвящен тому, что новые тексты невозможны, что число текстов вообще ограничено и к тому же все они уже написаны. Книг так много, что писать новые просто нет смысла. При этом «Дон Кихот» реальнее Пьера Менара, которого на самом деле нет, т. е. литература реальнее писателя. Поэтому не писатель пишет книги, а уже готовые книги из Универсальной Библиотеки (ее образ Борхес дал в «Вавилонской библиотеке», написанной в том же подвале) пишут себя руками писателей, и пишущий оказывается «повторителем», принципиальную возможность чего доказал пример Пьера Менара. В следовании уже написанному чужому слову, чужой мысли есть своего рода фатализм и ощущение конца литературы. «Мною, – говорит Пьер Менар, – руководит таинственный долг воспроизвести буквально его (Сервантеса) спонтанно созданный роман».

По существу, Хорхе Луис, желая попасть в Индию, открыл Америку. Несомненно, что пишущий библиотекарь, письменный стол которого находился в непосредственной близости от книжного шкафа, и сам остро ощущает свою зависимость как писателя от уже изданного. Книги давили, чужое слово не ассимилировалось и не диссоциировалось, а сохранялось в природном своеобразии.

В сборнике «Золото тигров» Борхес опубликовал новеллу «Четыре цикла». Идея проста: «историй всего четыре». Первая – об укрепленном городе, который штурмуют и обороняют герои. Вторая – о возвращении. Третья – о поиске. Четвертая – о самоубийстве Бога. «Историй всего четыре, – повторяет Борхес в финале. – И сколько бы времени нам ни осталось, мы будем пересказывать их – в том или ином виде». По сути дела, это идеология читателя, транспонированная в технологию писательского труда. И именно эта транспонировка и может считаться главным и эпохальным изобретением Борхеса.

Он изобрел «пишущую машину», бесперебойно работающий генератор текстов, который производит новые тексты из старых и тем самым предохраняет литературу от смерти. «Как инструмент философского исследования логическая машина – нелепость. Однако она не была бы нелепостью как инструмент литературного и поэтического творчества», – замечает Борхес.

Благодаря его открытию к концу XX века литературные занятия стали достоянием всех, в том числе людей без таланта и даже способностей. Надо лишь стать читателем. Так что Борхес здорово послужил обеспечению принципов демократии и равенства в литературе путем внедрения соответствующей технологии «легитимации плагиата». Хотя на практике выясняется, что только Борхес мог придавать блеск развернутым библиографическим справкам и только он мог оживлять вторичность, даря ей вторую жизнь.

Борхес, конечно, был читателем и библиографом, превратившим два этих занятия в литературу. Но дело еще и в том, что он умел очень точно выбирать материал, который соответствовал философской и научно-методологической реальности.

В 1946 году в Аргентине правит диктатор – президент Перон. Борхеса изгнали из библиотеки, поскольку новый режим был недоволен его писаниями и высказываниями. Как вспоминал сам Борхес, его «почтили уведомлением», что он повышен в должности: из библиотеки переведен на должность инспектора по торговле птицей и кроликами на городских рынках. Таким образом Борхес нищенски существовал в качестве безработного с 1946 до 1955 года, когда диктатура была свергнута революцией.

Правда, в 1950 г. его выбрали президентом Аргентинского общества писателей, которое осталось одним из немногих очагов сопротивления диктатуре, но это общество вскоре распустили. В 1955 г. свершилась революция, и Борхеса назначают директором Национальной библиотеки и профессором английской и американской литературы Буэнос-Айресского университета.

Но уже слишком поздно, прямо по французской поговорке: «Когда нам достаются штаны, у нас уже нет задницы». В 1955 году Борхес потерял зрение. «Слава, как и слепота, пришла ко мне постепенно. Я ее никогда не искал». Первые его книги в 1930–1940-е годы провалились, а

«Историю вечности», вышедшую в 1936-м, за год купили 37 человек, и автор собирался всех покупателей обойти, чтобы извиниться и сказать спасибо. В 1950-е годы Борхес становится всемирно известным, в 1960-е уже считается классиком.

Пожалуй, внезапной славе Борхеса послужил успех «нового романа», развернутый манифест которого «Эра подозрения» Натали Саррот опубликовала как раз в 1950 году. «…Когда писатель, – отмечала Саррот, – задумывает рассказать какую-нибудь историю и представляет себе, как ему придется написать «Маркиза вышла в пять» и с какой издевкой взглянет на это читатель, им овладевают сомнения, рука не подымается…» Сюда же надо добавить разочарование в реальности, изображаемой в романе, и ощущение скуки от традиционных описательных средств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.